

Елизавета Дворецкая
ЩИТ ПОБЕРЕЖЬЯ
Книга вторая. Блуждающий огонь

Корабль во фьорде

Елизавета Дворецкая

**Щит побережья. Книга
2: Блуждающий огонь**

«Автор»

2004

Дворецкая Е. А.

Щит побережья. Книга 2: Блуждающий огонь / Е. А. Дворецкая —
«Автор», 2004 — (Корабль во фьорде)

ISBN 978-5-9717-0569-7

Разбойничьи набеги северных племен много лет разоряли полуостров Квиттинг. Близится новая, большая война, а предводитель пропал на чужбине. Не дождавшись его возвращения, квитты вопреки всем законам выбирают себе другого конунга. Молодой Брендольв, разорвав все связи с прежней жизнью, покидает родную усадьбу и отправляется собирать войско для нового вождя. Но вскоре становится ясно, что этот человек не достоин вести квиттов против столь сильного врага. Ошибка уже обошлась Брендольву слишком дорого, и главное теперь — решить, под чьим стягом идти в свою главную битву.

ISBN 978-5-9717-0569-7

© Дворецкая Е. А., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Краткое изложение предшествующих событий	5
Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Елизавета Дворецкая

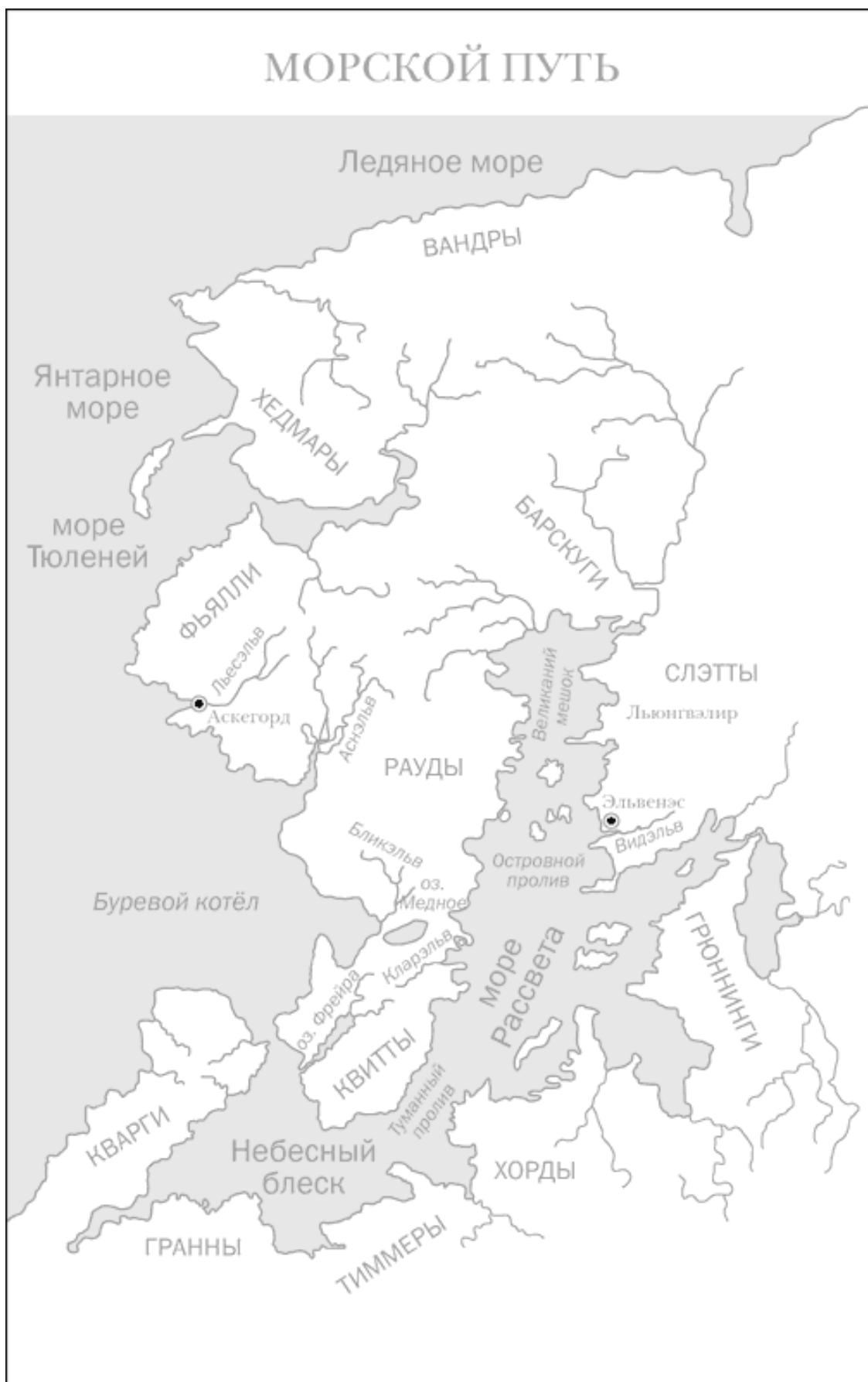
Блуждающий огонь

Краткое изложение предшествующих событий

В ожидании близкой войны с Фьялленландом¹ конунг квиттов Стюрмир отправился в Слэттенланд, чтобы найти там союзников. Пока его не было, конунгом был провозглашен сын Стюрмира, Вильмунд. Узнав об этом, Даг, сын Хельги хёвдинга с Квиттингского Востока, отправился в Слэттенланд, чтобы понять, что же случилось со Стюрмиром. Там он находит конунга, который собирается возвращаться домой, и знакомится с Хеймиром, сыном конунга слэгтов. Пообещав Дагу свою дружбу, Хеймир передал ему подарок для его сестры Хельги – серебряные застёжки на платье в виде воронов с красным и зеленым самоцветами в глазах.

В это время Брендольв, друг Дага и жених Хельги, уехал к Вильмунду конунгу, чтобы вместе с ним воевать против фьяллей...

¹ Названия стран, племен и прочие понятия, относящиеся к сериалу, см. в Указателе имен и названий в конце книги.

Глава 1

Брендольв сын Гудмода лежал в спальном покое усадьбы Малый Пригорок, что над озером Фрейра*, смотрел в переплетение закопченных потолочных балок и ждал вечернего пира. Хозяин, Гудфинн Мешок Овса, не так давно кормил своих гостей и домочадцев завтраком, но Брендольв уже ждал ужина, и не потому, что чувствовал голод, а потому, что другого занятия все равно не имелось. На озере Фрейра, куда он приехал больше полумесяца назад в поисках молодого Вильмунда конунга, заняться было решительно нечем. С той же самой благородной целью – совершить подвиги, прогнать фьяллей и навек прославить себя и свой род – сюда съехалось довольно много знатных людей с дружинами почти со всего Квиттинга. Но Вильмунд конунг выжидал. Его будущий тесть, Фрейвид Огниво, еще до приезда Брендольва отправился собирать войско западного побережья, а Гримкель Черная Борода, брат кюны* Даллы, с той же целью объезжал южную четверть страны. А пока дружины не собраны, с подвигами приходилось повременить.

Заскрипела дверь, в нее пролезло длинное и тощее тело Асмунда сына Хродгарда. Они с Брендольвом были ровесниками, их привели сюда одни и те же побуждения, и они сдружились за время бесполезного ожидания. Вместе они принимали участие во всех играх и развлечениях, которые только могли выдумать, вместе с полусотней других героев соревновались во всех девяти искусствах, кроме плавания (и то потому, что озеро Фрейра замерзло).

– Лежишь? – спросил Асмунд.

Брендольв не ответил, потому что и так было видно. И сегодня южный выговор Асмунда раздражал его как-то больше обычного.

– Ну, лежи, – позволил Асмунд и сел на край лежанки.

После вчерашнего пира его длинное лицо со впалыми щеками и высокими скулами выглядело помятым, но выспаться он просто не мог, потому что имел нерушимую привычку подниматься до рассвета. Дома его ждало обширное хозяйство, требовавшее постоянного присмотра, а поскольку других взрослых мужчин в роду не имелось, все заботы висели на узких, но как из железа отлитых плечах Асмунда. Соскучившись среди работников и скотины, он с восторгом по первой же вести устремился к молодому конунгу, и теперь скучал вдвое сильнее, беспокоясь о напрасно оставленном хозяйстве. Именно он придумывал большую часть развлечений.

– Может, съездим поохотимся? – предложил Асмунд чуть погодя. – Снег ночью выпал, следы видно.

Брендольв повернул голову и нашел взглядом их третьего товарища, Эрнгельда. Это был плотный круглолицый крепыш с короткой русой бородкой, года на два старше их с Асмундом. Сидя на краю лежанки возле самого очага, он обломанным наконечником стрелы выцарапывал на широкой костяной ручке ножа какой-то рисунок.

– Пойдем на охоту? – спросил его Брендольв.

– Да ну! – хмуро отозвался Эрнгельд. – Всех зверей распугали. Тут каждый день в одной роще охотится по три дружины. Скоро будем на деревья кидаться. Даже удобней – они никуда не убегают.

Асмунд рассмеялся:

– Можно, если так, и на быков поохотиться. Тут народ богатый, скотины много. А, Брендольв?

Он слегка подтолкнул товарища, и Брендольв усмехнулся, подвигал плечом. Два дня назад в соседской усадьбе, которая гордо именовалась Большим Пригорком, поскольку стояла на берегу чуть повыше, из хлева вырвался бык. В другое время это посчитали бы большой неприятностью, но сейчас два десятка молодых героев с восторгом накинулись на него, потря-

сая копьями и издавая боевые кличи, точно это был сам дракон Фафнир*. Несчастное животное поспешило укрыться в хлеву, но перед этим успело-таки чуть задеть рогом Брендолва, который оказался к нему ближе всех. Брендолв прокатился по земле и ударился плечом о кучу поленьев. Этот несильный ушиб в шутку уважали, как боевую рану, герой в шутку гордился.

– А еще говорят... – опять начал Асмунд. – Заходил один парень из Утиного Пруда, так он сказал, что у них один хёльд* из северян ездил на охоту и видел старый курган. Съездим пошарим? Может, там лежит что-нибудь забавное?

– Ну, вы совсем сдурели! – в сердцах бросил от очага Эрнгельд. – Курган! Вы бы у северян спросили, как копать курганы! Они бы вам рассказали, как у них мертвец из кургана передавил сто человек, так что потом воевать стало некому! У вас от безделья мозги усохли! Курган им! Хотите, чтобы и нас тут всех мертвец передавил?

– Да ну, не ворчи! – закричали в один голос Брендолв и Асмунд. – На Севере было не так! Никого у них мертвец не передавил! Они сами его задавили! И еще отняли копье, которое пробивает десять человек разом! Где ты гулял, когда рассказывали?

– Ну, и где же оно, это чудесное копье? – Эрнгельд бросил наконецник стрелы и повернулся к товарищам. На его круглом лице отражалась досада. – Где же оно? Где оно было, когда фьялли и рауды разоряли Север? Женщины на него мотали шерсть? Рабы на нем сушили рыбу? Я слышал, тамошний хёвдинг* теперь рассказывает совсем о другом!

Общее безделье досаждало Эрнгельду тем сильнее, что в поход он отправился не по своей воле. Его чуть ли не силой вытолкали из дому мать и молодая жена. Жена даже пригрозила, что вернется назад к родичам, если ее муж покажет себя рохлей и трусом. Эрнгельд не был ни тем, ни другим, зато сильно подозревал, что его отъезд молодой хозяйке понадобился для того, чтобы удобнее любезничать с торговцем Торлейком Красавчиком. Тот всю зиму разъезжал по округе со своими товарами, жил то в одной усадьбе, то в другой, и Эрнгельд заложил бы хоть голову, что сейчас любимец всех окрестных женщин расположился именно в его доме. И ради чего он допускает такой позор? Чтобы сражаться с быками и выслушивать глупости?

– Ну его! – Асмунд встал и потянул Брендолва за рукав. – Пойдем в Конунгагорд. Может, есть новости.

В усадьбу конунга Брендолв ходил каждый день. Бормоча что-то, он принялся одеваться с таким видом, будто его зовут на тяжелую и скучную работу. Смысл его бормотания сводился к тому, что новостей никаких он не ждет, но все равно пойдет, потому что идти все же веселее, чем лежать и смотреть в потолок.

На дворе перед хозяйским домом двое парней боролись, собравшиеся кружком гости подбадривали их криками. Брендолв и Асмунд обошли толпу – подобное зрелище повторялось каждый день и им надоело.

От ворот виднелась усадьба конунга, стоявшая южнее по берегу озера, и к ней уводили цепочки следов на свежем снегу. Асмунд и Брендолв побрели по следам. Идти было не так уж далеко, и они не спешили, с удовольствием после духоты и дыма жилых покоев вдыхая свежий прохладный воздух. За прошедшие дни, длинные и однообразные, они так привыкли к озеру Фрейра, точно провели здесь всю жизнь и выросли среди этих длинных холмистых берегов, заснеженных и покрытых густым кустарником, этих дерновых крыш окрестных усадеб и дворов, рыбацких лодочек возле холодной воды. И будет ли этому когда-нибудь конец?

На дворе Конунгагорда им навстречу сразу вышла Глатта – дочка одного из здешних хирдманов*, пятнадцатилетняя девица с глупеньким миловидным личиком, на котором всегда играла шаловливая улыбка. Женщины недолюбливали Глатту, зато мало кто из мужчин мог спокойно пройти мимо. При взгляде на Глатту каждому казалось, что она хочет что-то ему сказать, и каждый, не дождавшись, заговаривал с ней сам. А она только смеялась и играла глазами в ответ на всякую речь, так что любой дурак чувствовал себя рядом с ней мудрым и доблестным мужем.

Увидев знакомую фигурку с прижатым к боку деревянным корытом, оба молодых героя разом замедлили шаг и заулыбались. Встречи с Глаттой заметно скрашивали здешнюю жизнь им обоим. Девушка поставила корыто на землю и улыбнулась обоим сразу так открыто и располагающе, будто с утра только и мечтала об этой встрече. А светлый, трогательный и пустоватый, как у котенка, взгляд скользил с одного на другого, выбирая, на ком сосредоточить внимание.

– Ну, как поживаешь? – осведомился Асмунд и взял Глатту за руку.

Еще не ответив, она потянула руку назад, но не слишком сильно. Асмунд тянул ее руку к себе, а она – к себе; не произнося ни слова, они состязались так некоторое время, и все выглядело так, будто в этом действии заложен некий глубокий смысл, недоступный посторонним.

Наконец Глатта отняла руку.

– Что видела во сне? – спросил Брендолль. – Не белого медведя?

– А к чему это – белый медведь? – Глатта проявила похвальную любознательность. – К северному ветру?

– К битвам и сражениям! – грозно прорычал Брендолль и оскалил зубы, изображая Фен-рира Волка*.

Глатта фыркнула, потом скривила личико в несерьезной обиде:

– Наша Истерд, старая коровища, так храпела, что не заснешь! Хоть беги из девичьей!

– А ты бы бежала к нам! – предложил Асмунд и подмигнул. – У нас никто не храпит!

– Знаю я, как у вас никто не храпит! – Глатта качала головой, а игривый блеск глаз выдавал, что она отлично понимает намеки. – Отсюда слышно!

– Ну, что ты! – возразил Брендолль. – У нас все тихие-тихие! Вот разве что он похрапит немного, – Брендолль подтолкнул локтем Асмунда, – и то так тоненько-тоненько, словно соловей поет. Тьу-тьу! – просвистел он, и Глатта залилась хохотом.

– А у нас новости! – сказала она, отсмеявшись.

– Да ну? – воскликнули разом оба друга. Асмунд подумал о Фрейвиде хёвдинге, а Брендолль – о Стюрмире конунге. – Что же ты молчишь! Какие? Откуда гонец? Выступаем?

– Вчера у нас был Хёгни из Каменного Мыса, предложил устроить бой коней. Конунг согласился. Вы будете участвовать? Или у вас нет подходящих коней?

– Тьфу! – Асмунд махнул рукой и отбросил руку Глатты, которая шаловливо поправляла ему застежку плаща. От разочарования у него пропало всякое желание шутить. – Новости! Да разве это новости! Тролли бы побрали этого Хёгни со всеми его конями!

В гриднице конунга сидело много народу, но самого Вильмунда не было видно. Зато здесь имелся Ингстейн Осиновый Шест, хёвдинг Квиттингского Севера. Он все еще назывался хёвдингом, хотя Квиттингский Север уже почти весь оказался под властью фьяллей и раудов. Ингстейн напрасно пытался собрать войско для отпора, был разбит в нескольких битвах и привел на озеро Фрейра едва полсотни воинов, зато сотни три беженцев, женщин, детей и неспособных к битвам стариков, которых теперь приходилось где-то размещать и чем-то кормить. Его не занимала ни охота, ни девушки, ни саги, ни тавлеи*. Им владела только одна мысль: скорее выйти с оружием навстречу врагам и отбить свою землю назад, так что ни о чем другом он не говорил.

– Фрейвид хёвдинг слишком долго собирает войско! – горячо рассуждал Ингстейн, потрясая жилистым кулаком. На его высоком затылке лежали три глубокие мрачные морщины, а лицо так осунулось, что он выглядел гораздо старше своих сорока пяти лет. – Если он в ближайшие дни не даст о себе знать, его можно будет счесть трусом и предателем!

– Не говори так! – возражал ему кто-то из хёльдов. – Западное побережье велико, так быстро его не объедешь. И помни, что говоришь о родиче нашего конунга!

– Мне больше хотелось бы знать, что думает делать Хельги Птичий Нос, – подал голос кто-то еще, и Брендолль прищурился, пытаясь в полутьме гридницы разглядеть говорившего. –

Под его властью целая четверть страны. Он-то думает присылать войско? Ведь восточный берег – самая спокойная земля. Туда враги еще и близко не подходили.

– Тут есть кое-кто, кто нам ответит, – сказал Ингстейн, поглядев на Брендольва. – Ваши люди думают воевать или предпочитают отсидеться с женщинами?

Брендольв покраснел: его сильно задевали сомнения в верности и смелости людей с восточного побережья, но достойный ответ он находил с трудом. Он был здесь единственным, кто привел оттуда дружину, а с него спрашивали за всех, кто этого не сделал.

– Хельги хёвдинг строит корабли и собирает войско, – ответил Брендольв то, что и всегда. – А если он его не прислал, так это потому, что конунг не просил его это сделать. Как только конунг пошлет к нему гонца, он сразу...

– К нему послали гонца! – перебили Брендольва сразу несколько голосов. – Еще на Середине Зимы*! Сразу после тинга*! А ответа все не слышно!

Брендольв пожал плечами:

– Может, гонец не доехал. Или войско не успело дойти.

– Или Хельги хёвдинг не слишком посчитался с волей Вильмунда конунга! – проворчал какой-то мрачный мужик с красным свежим шрамом на лбу.

Брендольв предпочел бы этого не слышать. Внутренний голос говорил ему, что так оно и есть, и вот здесь он никак не мог оправдать будущего родича. Да и зачем его оправдывать? Пока восточное побережье не созвало тинг и не признало нового конунга, его распоряжения необязательны. Хельги хёвдинг не обязан присылать войско. Только если люди сами захотят. А они, выходит, не хотят.

– Ко всем троллям! – Брендольв хмуро махнул рукой. – Что толку молотить обмолоченную солому! Новостей получше мы тут, как видно, не найдем!

Досадливо пиная двери, Брендольв и Асмунд пошли назад во двор. В сенях они услышали смех Глатты: она стояла, прижавшись спиной к стене, а какой-то высокий светловолосый парень что-то шептал ей и поигрывал цепочками на ее груди. Услышав шаги, Глатта в притворном смущении хихикнула, извернувшись и выбежала за дверь.

Парень обернулся, и Брендольв узнал Вильмунда конунга.

– А, это ты! – приветствовал он Брендольва. – Что там – опять Ингстейн созывает «домашний тинг»? Если бы еще можно было собрать домашнее войско и победить домашнего врага, ему бы цены не было!

Асмунд фыркнул – его легко было насмешить. Но Брендольв даже не улыбнулся. У него вдруг раскрылись глаза на все положение дел, и он чуть не завыл от досады. Фьялли разоряют север Квиттинга, с каждым днем подходят все ближе, у квиттов нет войска, люди маются от безделья. А молодой конунг заигрывает со служанкой! Брендольв все никак не мог примириться с мыслью, что приписал Вильмунду свои собственные стремления к славе и скорейшей победе. Того, как видно, занимало что-то другое.

– Слышали – Хёгни предлагает бой коней! – продолжал Вильмунд конунг. – Будете участвовать? Если у тебя, Брендольв, нет подходящего коня, я тебе одолжу.

– Спасибо, конунг! – весело и учтиво ответил Асмунд. – Конечно, мы будем участвовать. И если твой конь победит, то и славу поделим пополам!

Хороша слава! Но Асмунду повезло – он имел много маленьких, легко выполнимых желаний, и потому почти всегда был доволен жизнью.

* * *

Бой коней в усадьбе Каменный Мыс удался на славу. Все окрестные жители и их отважные гости обрадовались приглашению и в назначенный день съехались к Хёгни хёльду. Набралось целых шесть коней, годных принять участие в схватке. Они бились друг с другом по парам,

и в конце концов Брендольв с жеребцом по кличке Виндвин – Друг Ветра – вышли победителями. Они были друг другу под стать: вороной огненноглазый жеребец оказался сильным и злобным, а Брендольв еще дома, в Хравнефьорде, не раз участвовал в этой забаве и знал в ней толк. Ему хватало и силы, и умения, и азарта, чтобы вовремя придержать жеребца за хвост, вовремя толкнуть шестом, побуждая кусаться злее. Правда, Виндвин не нуждался в подталкивании и даже в последней схватке, к которой оба бойца подустали, выглядел свежее противника.

Зрители, тесной толпой обступившие луговину возле усадьбы Каменный Мыс, были в восторге. Не меньше радовался и сам Брендольв. Шум, воодушевление, общее внимание всегда нравились ему, и сейчас он находился в своей стихии. Довольный, гордый собой и уверенный, он лишь изредка бросал взгляды в ту сторону, где стоял настоящий хозяин коня – Вильмунд конунг. Тот нарядился ради этого веселья в лучшее платье, в плащ, отделанный зеленым шелком, в красную рубашку и вышитый кюртиль*, а на руке его ослепительно сверкало золотое обручье в виде дракона с льдистыми камешками в глазах. Про это обручье рассказывали много всякого невероятного, но Брендольв ни на какое сокровище не променял бы удовольствие – на глазах у двух сотен зрителей показать, на что способен! А это не так уж мало!

Поглядывая в сторону конунга, Брендольв почти не замечал его самого. Возле Вильмунда пестрели наряды женщин, и взгляды Брендольва неодолимо притягивала стройная, невысокая, но величавая фигурка девушки с длинными, прямо лежащими светло-русыми волосами. Это была йомфру* Ингвильда, дочь Фрейвида хёвдинга и невеста Вильмунда конунга. Брендольв изредка видел ее на пирах в Конунгагорде – она выходила в гридницу* не каждый день – и любовался, затаив дыхание и забывая о еде. Именно такой и должна быть невеста конунга! Даже этого боя коней Брендольв ждал не без тайной надежды, что Ингвильда придет, и сознание, что она тоже видит его торжество, делало его вдвое счастливее.

В последней схватке Брендольву с Виндвином достался в противники рыжий жеребец с черной гривой, из здешних, из какой-то усадьбы на берегу. Его хозяин, Гаутберг Свиная Голова, такой же рыжий, точно они с жеребцом состояли в родстве, был очень недоволен успехами восточного пришельца. Во время боя Гаутберг все лез со своим шестом вперед, и Брендольв мог бы поклясться, что тот отпихивал шестом Виндвина. Но, если и так, жеребец ничего не замечал и решительно теснил противника. Над луговиной возле усадьбы Каменный Мыс висело шумное облако конского ржания, хруста промерзшей земли, криков зрителей; клочья мерзлой травы, выбиваемой копытами, взлетали в воздух, ветер с близкого озера трепал волосы и гривы, освежал пылающие лица. Веселый, торжествующий, полный упоительного осознания своей силы, Брендольв вился и прыгал возле скачущего Виндвина, ударами шеста понуждая его: скорее вперед, к победе!

– Э, так не пойдет! Нечестно! – вдруг завопил Гаутберг. – Он отталкивает моего коня! Отталкивает своим шестом! Вот тебе!

Брендольв едва успел открыть рот, чтобы отвергнуть несправедливое обвинение, а Гаутберг уже толкнул Виндвина в грудь концом шеста. Жеребец взвился, а разъяренный Брендольв бросился вперед.

– Рохля! Не любишь проигрывать! – заорал он и со всего размаха ударил противника своим шестом.

Тот увернулся, и вместо головы удар пришелся в плечо. Толпа вокруг площадки закричала громче: бой коней превращался в бой людей. Оба жеребца, выпущенные хозяевами, рванулись в сторону: Виндвин гнал рыжего и бил копытами. Они мчались прочь, а Брендольв и Гаутберг остались вдвоем на месте схватки, сжимая в руках шесты.

– Давайте! А ну, кто кого! Это смелые мужи! – радостно вопили зрители.

– Давай, Брендольв! Не отступай! Покажи им, как надо биться до конца! – донесся до ушей Брендольва чей-то крик, и на него точно в духоте продымленного покоя повеяло свежим ветром.

Это был голос женщины: молодой, звучный. Один-единственный на свете, который Брендольву удавалось услышать так редко и которого он не ждал услышать сейчас. Не оглядываясь, он знал, что это она – Ингвильда дочь Фрейвида. Она сама подбадривает его! Брендольв не ждал такой чести, даже не думал, что она знает его имя. И один этот выкрик влил в него больше сил, чем рев всей толпы; чувствуя в себе мощь и азарт настоящего берсерка*, он бросился на Гаутберга, как Тор* на великана Хрунгнира*.

Тот едва успел поднять свой шест, чтобы защититься, но перед Брендольвом сейчас не устоял бы и более серьезный противник. Несколькими сильными и точными ударами Брендольв выбил шест из рук Гаутберга, а самого его опрокинул на землю. В мыслях мелькнуло воспоминание, как Вальгард вот так же опрокинул Ауднира и потом... Брендольв отскочил и потряс головой. Хватит. И так ясно, за кем осталась победа.

– Молодец! Вот это мужчина! Вот как надо! С такими воинами нам любые фьялли нипочем, а? – кричали вокруг. – Теперь его надо звать Гаутберг Битая Голова!

Опираясь на шест и рукавом вытирая мокрый лоб, Брендольв украдкой бросил взгляд на йомфру Ингвильду. Но она отвернулась и что-то говорила своему воспитателю, рослому мужчине, могучему, невозмутимому, чьи глаза были всегда полужакрыты, но взгляд – остр и зорек.

Однако Ингвильда дочь Фрейвида заметила удачу победителя. Вечером, когда гости попроще разошлись по своим дворам, а всех знатных Хёгни хёльд рассадил за столами, она поднялась со своего места и налила пива в окованный серебром рог.

– Я хочу поднести этот рог тому, кто сегодня так славно позабавил нас, – сказала она, и Брендольв, не сводивший с нее глаз, ощутил, как внутри у него что-то оборвалось и провалилось, а все тело наполнилось мелкой, тревожной и приятной дрожью. Еще миг – и она поднимет на него свои звездные глаза...

Держа рог обеими руками, Ингвильда повернулась и нашла Брендольва взглядом. Краснея, он поднялся, точно невидимая рука подняла его за шиворот. Ни перед одним противником он не робел, но сейчас не мог справиться с дрожью под взглядом этих светло-серых, ясных, строгих глаз. Несмотря на средний рост и хрупкое сложение, Ингвильда казалась ему валькирией*, нет, богиней! У валькирий не бывает таких тонких белых пальцев, таких мягко струящихся волос, и глаза их не сияют, как чистые озера небесной росы. Сами боги умелыми руками вырезали из белого дерева эти нежные и ровные черты, отделали каждую черную ресничку. Только богиня может быть так прекрасна, так спокойно-величава, только богиня может таить столько мудрости, скрытой и тихо светящейся во всем облике. На досуге Брендольв как-то сравнил Ингвильду с Хельгой и поразился их несходству. Хельга была вся снаружи, каждый ее помысел, каждое движение сердца сразу же отражалось на лице, и душу ее можно было рассматривать, держа на ладони. А Ингвильда таила в себе скрытые глубины, точно прямо под белой кожей спокойного лица начинаются звездные бездны, непостижимые для смертных.

– Я хочу поднести этот рог тебе, Брендольв сын Гудмода, – сказала Ингвильда, и Брендольв все еще не верил в свое счастье. – Я рада, что нашелся такой человек, как ты. Я рада, что люди увидели, как надо биться до конца! Тот мужчина, кто не боится действовать! Раз уж взял шест, то не пьтсья! Пусть каждый сделает то, что сегодня сделал ты!

Она шагнула вперед, и Брендольв пожалел, что стол мешает ему пойти ей навстречу и вынуждает ждать.

– Почему бы тебе не поднести рог и мне? – крикнул с высокого почетного сиденья Вильмунд конунг. – Ведь этот конь принадлежит мне! Брендольв только выводил его!

Ингвильда остановилась и обернулась. Лицо ее погасло, и Брендольв вдруг ощутил такую ненависть к молодому конунгу, вольно раскинувшемуся на сиденьи, что краска схлынула с его лица, и рябинки на его щеках стали заметнее.

– Это мой конь! – повторил Вильмунд конунг. Он выпил уже немало, а пьянел легко, потому речь его была неустойчивой и разболтанной. – Это мой конь, потому и рог ты должна первым поднести мне! – упрямо требовал он. – И вообще... – Вильмунд махнул рукой и пошатнулся, так что близко сидевшие хирдманы сделали движение поддержать его. – Ты – моя невеста, и каждый рог ты должна сначала подносить мне!

– Если это твой конь, то лучше бы тролли сломали ему спину! Если сам конунг не находит своему коню лучшего применения, чем потешать ротозеев, то лучше бы тому вовсе не родиться на свет! – внешне спокойно, но четко и уверенно произнесла Ингвильда.

Гридница охнула и затаила дыхание: такой прямой, непримиримый вызов прозвучал в ее голосе. Неожиданный на мирном пиру, он струей ледяной воды остудил общее веселье.

– Ты тратишь время в пьяных забавах, а в это время фьялли подходят все ближе! – ясно и твердо продолжала Ингвильда, глядя прямо в лицо своему жениху. – Скоро Торбранд конунг сядет на твоего жеребца. Как говорят, на хваленного коня плохая надежда!

Гости втягивали головы в плечи, ожидая чего-то ужасного, как после ослепительной вспышки близкой молнии ждут, затаив дыхание, тяжелого громового удара. Эти слова тем точнее били в цель, что каждый из собравшихся, кроме уж совсем дураков, думал примерно так же.

У Брендольва захватило дух: он не ждал, что у кого-то хватит смелости сказать это вслух, в лицо самому Вильмунду конунгу, но он был и восхищен Ингвильдой. Правильно! Давно пора! Пусть же конунг наконец скажет, долго ли они будут, как подростки, играть в мяч и метать камни, в то время когда враги, как море в прилив, пожирают землю квиттов!

Вильмунд конунг встряхнулся, сел прямо, вцепившись обеими руками в подлокотники сиденья.

– Фьялли? – с пьяным раздражением крикнул он в ответ, и голос его сорвался, прозвучал тонко и жалко. – Те самые фьялли, где твой рябой дружок! И у тебя еще хватает бесстыдства упрекать меня! Ты... предательница! – с мучительной тоской воскликнул Вильмунд. – Ты и твой отец – вы два локтя от одного полотна! Где он пропал? Почему не ведет войско? Наверное, сговаривается с рябым троллем о вашей свадьбе!

– Я была бы рада, если бы это было так! – отчеканила Ингвильда. – Хродмар сын Кари – не из тех, кто станет пьянствовать, забыв о деле! За это время он успел больше тебя!

– Я уже догадываюсь, что он успел! – ответил Вильмунд, глядя на свою прекрасную невесту с болезненной ревностью, уже похожей на ненависть. Эти не слишком достойные чувства так ясно отражались на его покрасневшем лице, что всем в гриднице было стыдно и жалко смотреть на своего конунга – точно грязное тряпье каждого стирается у всех на глазах. – Я кое-что тоже помню... – бормотал Вильмунд.

– Ах, конунг, не стоит вести такие речи на пиру! – вмешалась кюна Далла. – Пьяный не знает, что делает, и что говорит – тоже. Лучше тебе сейчас помолчать. Не стоит лить полынь в кубки всем этим добрым людям!

Маленькая, нарядная, звенящая золотыми цепями, застежками и обручьями, кюна Далла суетливо выбралась из-за женского стола и устремилась к Вильмунду. Гридница облегченно вздохнула. На ходу кюна прихватила чью-то чашу и, забравшись на первую ступеньку почетного сиденья, стала поить Вильмунда конунга из своих рук, как больного. Не замечая этой несообразности, он жадно припал к чаше, накрыв своими широкими ладонями маленькую руку мачехи.

Ингвильда стояла на том же месте. Оторвав взгляд от Вильмунда и кюны, она повернулась к очагу, подняла рог и медленно вылила пиво в огонь. Очаг резко зашипел, в пламени

образовалась широкая проплешина черных, гладких, влажно блестящих головней, под кровлей поплыл душистый пар. Но тут же огонь, проглотив угощение, бурно запыхал снова. Держа рог в опущенных руках, Ингвильда прошла через гридницу и скрылась за дверью девичьей.

Про Брендолльва она совсем забыла.

* * *

Этой ночью Брендолльв почти не спал. После долгой скуки на озере Фрейра этот день принес ему слишком много впечатлений. В полудреме ему мерещился то бой коней, то строгое, решительное, заледеневшее лицо Ингвильды; то Гаутберг с искаженным злобой лицом и шестом над головой кидался прямо на него, то Ингвильда на вытянутых руках протягивала рог к очагу и медленно опускала, пиво лилось нескончаемой струей... Возле усадьбы Лаберг был один поминальный камень; никто уже не помнил, по кому он поставлен, но на нем в обрамлении полустертых, слизанных языками ветров и времени рун виднелся рисунок: богиня Фригг* с длинным покрывалом на голове вот так же протягивает рог Одину, вернувшемуся из битвы, но только от изображения Одина сохранилась одна голова Слейпнира и три передние ноги...²

Брендолльв ворочался, так что Асмунд, спавший на той же лежанке, пару раз просыпался и толкал его локтем: дескать, потише, герой, дай поспать простым смертным.

– Что, слава не дает глаза сомкнуть? – пробормотал он однажды. – Сбегай в отхожее место – полегчает.

Но Брендолльв не ответил: славная победа над Гаутбергом почти забылась. Из ума его не шла Ингвильда. За те несколько мгновений он узнал и понял больше, чем за предыдущие полмесяца. А он-то, дурак, еще завидовал Вильмунду конунгу, которому досталась в невесты молодая богиня Фригг! А тому, оказывается, эта богиня принесла не много счастья. О каком рябом фьялле он говорил? Почему подозревает Фрейвида хёвдинга в предательстве? Но теперь Брендолльву стало ясно, почему войско все никак не может собраться и выступить. Власть над Квиттингом сейчас принадлежит Вильмунду конунгу и Фрейвиду хёвдингу, а их, будущих родственников, едва ли кто-нибудь назовет друзьями.

Утром гости Хёгни хёльда тронулись обратно. Постояльцам Малого Пригорка почти до самого конца нужно было ехать вместе с людьми из усадьбы конунга, и Брендолльв старался не терять Вильмунда из виду. Может быть, конунг захочет сказать ему несколько слов о вчерашнем бое: как-никак благодаря Брендолльву конунгов жеребец вышел победителем. Но Вильмунд конунг едва ли думал об этом: после вчерашнего пира его лицо выглядело помятым, несвежим, с неестественной краснотой на щеках и на лбу, веки его опухли, глаза спрятались в щелочки, рот часто кривился, точно Вильмунд жует что-то очень горькое. Брендолльву не верилось, что конунг моложе его года на три.

Зато Ингвильда дочь Фрейвида выглядела так, будто ничего не произошло. Она держалась поодаль от жениха, иногда совсем терялась со своим воспитателем в толпе хирдманов и разговаривала только с ним одним. Брендолльв иногда бросал на нее короткий взгляд и тут же отводил глаза, точно обжигался. Но через некоторое время он снова искал ее, не в силах удержаться. Ему мучительно хотелось подъехать к ней, сказать, как он восхищен ее вчерашней речью, как согласен с ней. Но он не смел. Это он-то, раньше и не знавший, что такое смущение! Она ведь так и не донесла до него тот рог. Значит, не сочла достойным. Ей дела нет, что его отец – самый знатный из всех людей на восточном побережье. Видно, себя саму она считает знатнее. На кого-нибудь другого Брендолльв обиделся бы, а на нее не мог. При взгляде на Ингвильду он чувствовал только благоговение, которого никогда не испытывал раньше и даже не знал, что к женщине можно испытывать подобное чувство. Ее конь, ее синий плащ, ее малень-

² Всего у жеребца Слейпнира восемь ног.

кий башмачок с цветными ремешками казались облитыми особым светом, как святыни. Единственный луч бледного зимнего солнца, пробившийся сквозь серые косматые облака, светил на нее одну. И воспитатель со змеиными глазами, который время от времени перебрасывался с ней словом, казался Брендольву служителем божества, а не просто доверенным хирдманом, которому поручено охранять дочь хёвдинга.

От Каменного Мыса до усадьбы конунга путь неблизкий, и в полдень остановились передохнуть. Гудфинн Мешок Овса тут же разложил костерок, Асмунд хлопотал вместе с хозяином, насаживал на палочки куски жареного мяса, чтобы они погрелись возле огня. Брендолвь прошелся по берегу. Дорога пролежала над самым озером, чуть поодаль темнел чахлый березняк, а все пространство между березняком и обрывом было заполнено шевелящимися людьми, конями, клубами дыма. Для кюны Даллы зачем-то раскинули цветной шатер, как будто она собиралась здесь ночевать.

– Привет тебе, Брендолвь сын Гудмода! – раздался у него за плечом негромкий голос.

Брендолвь вздрогнул, но не сразу обернулся. Как вчера, этот мягкий, теплый голос повеял на него сладостью прозрачного ручья в жаркий день, но после вчерашнего ему еще труднее верилось в такое чудо. Мигом все его существо пронизала сладкая дрожь, сердце забилося так часто, что Брендолвь боялся открыть рот, подать голос, чтобы не выдать этой дрожи.

– Ты не хочешь со мной говорить? – сказала Ингвильда, и Брендолвь обернулся почти с ужасом – она может обидеться!

Йомфру Ингвильда стояла в шаге от него, а за ее спиной возвышался ее воспитатель. Брендолвь мельком отметил его странный меч – с железным кольцом на конце рукояти, точно у огромного ключа.

– Нет, я... – торопливо, хрипло ответил он и запнулся. Непрошенная краска бросилась ему в лицо, он ущипнул бородку, злясь на себя и не в силах побороть растерянность.

– А я думала, ты обиделся, что я вчера не донесла до тебя рог! – продолжила Ингвильда и чуть-чуть улыбнулась. Лицо ее стало мягче, сквозь строгость мерещилась нежность, и у Брендолвья кружилась голова. Даже стоя рядом, она была далека, как богиня, но она так прекрасна! – Я не хотела обидеть тебя. Я поступила несправедливо, потому что ты заслужил награду. Ты ничем не запятнал себя. Я виновата перед тобой, но слова конунга слишком разозлили меня, и я не могла уже думать ни о чем другом. Хочешь, я подарю тебе что-нибудь в знак моего уважения?

Она стянула с пальца золотое колечко и на ладони подала Брендольву. Он поспешно взял его, как величайшую драгоценность; он бы и простой камешек из озера схватил с той же готовностью, лишь бы камешек освятило прикосновение ее руки. Иметь всегда с собой ее вещь, ее подарок! Брендолвь был так счастлив, что не сразу сообразил поблагодарить.

– Я не обиделся, – выговорил он наконец. – Я с радостью приму твой подарок, йомфру Ингвильда, но я не усмотрел обиды... Я был рад услышать то, что ты сказала. Я тоже думаю так. Нам давно пора действовать, а не тратить время в забавах. Я хотел бы так же отличиться в битве, как отличился вчера...

– Так что же вы не скажете об этом конунгу? – Ингвильда перестала улыбаться и взглянула на него строго. – Скажите ему! Скажите, что вы – мужчины, и не позволяйте превращать себя в болтливых женщин! Что конунг только тогда чего-то стоит, когда ведет воинов в битву. А иначе кому и зачем он нужен? Негодная уздечка лошадке ни к чему!

– Но что он может сделать один? – возразил Брендолвь. После вчерашнего, когда Вильмунд конунг при всех унился до перепалки, да еще и ревливой перепалки с женщиной, Брендолвь больше не верил в его способность что-то сделать и знал причины этого. – Ведь у него почти нет войска. Здесь, возле озера Фрейра, едва наберется полтысячи человек. А у фьяллей и раудов вместе, говорят, не меньше десяти тысяч! Чтобы их одолеть, нужно собрать всех квит-

тов, способных носить оружие. А мы уже лишились Севера. Остались три четверти страны. Где же твой отец? Почему ты не поторопишь его с войском?

– Как я могу его поторопить, если я даже не знаю, где он? – негромко ответила Ингвильда и отвела глаза. Ее лицо погасло. – Ты напрасно думаешь, что мой отец считается со мной. Если бы он спрашивал о моих желаниях, я не была бы сейчас здесь.

Она замолчала, а Брендольв вспомнил еще кое-что, сказанное на вчерашнем пиру. «... готовит вашу свадьбу с рябым фьяллем!» – «Я была бы рада, если бы это было так! Хродмар сын Кари из тех людей...» Что-то вроде этого. Значит, есть какой-то Хродмар сын Кари, которого она предпочитает всем и даже своему жениху-конунгу. И Брендольва она похвалила только за те качества, которые у него общие с ее избранником. «Хродмар сын Кари – не из тех, кто станет пьянствовать, забыв о деле... Тот мужчина, кто не боится действовать...» Как холодная вода, плеснувшая в огонь, эти мысли загасили радость Брендольва. Светлая богиня любит другого. Брендольв и раньше не думал, что она полюбит его, но убедиться в невозможности этого было невыразимо горько. И даже образ Хельги, призванный на помощь, не помог. Бледный и мелкий, он потерялся, как теряется спинка светлячка рядом с ослепительной звездой.

– Но Вильмунд конунг напрасно обвиняет моего отца в предательстве! – сказала Ингвильда. За эти мгновения она успела далеко унести в своих мыслях и вернулась на берег озера Фрейра неохотно. – Я вовсе не жду, что он будет договариваться с фьяллами. Они нанесли обиду и нашему роду. Так что раньше или позже мой отец приведет войско, и вы еще пойдете в битву. Я желаю тебе, чтобы твой меч... Откуда у тебя этот меч? – Взгляд Ингвильды вдруг уперся в меч на поясе Брендольва, и удивление на ее лице показало, что он ей знаком.

– Его подарил мне Хельги хёвдинг. На обручение, – ответил Брендольв. В один миг он успел и пожалеть о том, что у него вырвались слова об обручении, и порадоваться этому.

– На обручение? – повторила Ингвильда, потом кивнула: – Ах, да! Мне говорили, что ты обручен с дочерью Хельги хёвдинга. Потому-то Вильмунд так к тебе расположен – ему очень нужно дружить с восточным берегом. С Хельги хёвдингом у нас еще никто не успел поссориться. Даже странно! Но я видела этот меч у Стюрмира конунга. Или очень похожий.

Она только хотела повернуть голову к своему воспитателю, но Оддбранд Наследство ответил из-за ее плеча, не дожидаясь вопроса:

– Этот самый. Там еще у основания клинка руна «тюр», с одной и с другой стороны.

Брендольв кивнул – такие руны у основания клинка имелись.

– Это и есть меч Стюрмира конунга, – подтвердил он. – Конунг подарил его Хельги хёвдингу, когда плыл мимо его усадьбы к слэттам. Тогда рауды еще не вступили в войну и мимо их земель можно было плавать. А Хельги хёвдинг подарил мне.

– Конечно, Хельги хёвдинг был вправе подарить его любому достойному человеку. – Ингвильда кивнула. – Но я удивлена... Как же ты мог, имея на поясе меч одного конунга, прийти служить его сопернику?

– Я... – Брендольв смутился. А ведь и Хельга при их последнем свидании сказала ему почти то же самое. – Мы думаем, что он погиб. Имея такой меч, стыдно сидеть дома. Ведь только тот мужчина, кто не боится действовать, верно?

– Верно! – Ингвильда снова кивнула, но взгляд ее был озабоченным, словно ее постоянно отвлекают тяжелые мысли. – Так и нужно брать в руки меч – чтобы биться! А не так...

Она обернулась назад, туда, где расположился на отдых Вильмунд конунг, и вдруг, не договорив, быстро шагнула в сторону и торопливо пошла прочь. Брендольв оглянулся: у полога шатра кюны Даллы стоял Вильмунд конунг и напряженно смотрел в спину Оддбранда Наследство, который шел позади Ингвильды и загоразживал ее от глаз жениха.

– Куда ты так поспешно убежала, о Фригг пламени моря? – тихо, так чтобы другие не слышали, спросил Оддбранд у Ингвильды, и Брендольв был бы изумлен, услышав, что вос-

питатель разговаривает со «светлой богиней» с небрежной дружеской усмешкой в голосе. – Боишься огорчить жениха? Да, конунг будет очень огорчен, если увидит, как ты любезничаешь с этим Бальдром* конских боев.

– Совсем наоборот, – без улыбки, непримиримо ответила Ингвильда. – Я не хочу его порадовать. Если он увидит, как я любезничаю с другим, то решит, что я хочу его уязвить, вызвать ревность. То есть что мне есть до него дело. А мне нет до него никакого дела!

– Сам Локи* не придумал бы уязвить его сильнее, чем ты вчера! – Оддбранд усмехнулся, как будто это и впрямь было очень забавно. – Ты ведь при всей гриднице заявила, что любишь другого. Да еще и фьялля! Куда уж хуже!

– Он первый начал! – по-детски, но со взрослой серьезностью ответила Ингвильда. – Это он чуть ли не вслух при всей гриднице обвинил меня, что я отдалась фьяллю. Добрые дисы*! Мне уже жаль, что это не так! Если бы я знала, что все так обернется...

– То Хродмар сын Кари был бы утешен так, как ему самому бы хотелось! – насмешливо окончил за нее Оддбранд.

Ингвильда вздохнула. Еще полгода назад ей не пришло бы в голову, что она, гордая дочь хёвдинга, счастливая и «славная разумом добрым»,³ будет сама себе желать бесчестия и сожалеть, что этого не случилось! Но судьба сыграла с ней странную шутку: ее мечтал взять в жены молодой конунг, а она всем существом стремилась к человеку, чье лицо изуродовали следы болезни и который к тому же приходился ближайшим другом Торбранда, конунга фьяллей. Но что поделать, если даже сейчас, после полугода разлуки, образ Хродмара с яркими голубыми глазами, блестящими с почти бесформенного лица, покрытого глубокими красными рубцами, казался ей прекраснее всех на свете. Острая тоска по нему, уже ставшая привычной, но от этого не менее мучительная, снова разлилась в душе, и Ингвильда брела по мокрому снегу над берегом, не видя ничего вокруг. Ах, как беспечна, как расточительна она была в тот месяц, который Хродмар со своим кораблем поневоле, одолеваемый смертельной болезнью, провел в гостях у ее отца! Теперь Ингвильде казалось, что тогда она не ценила своего счастья, потратила время даром, не радовалась каждому мгновению, проведенному рядом с Хродмаром, так, как должна бы. В такие часы, как сейчас, ей казалось, что еще немного, еще одно горькое и мучительное усилие – и душа покинет тело и полетит к нему, туда, где он есть...

– И напрасно ты думаешь, что Вильмунд конунг способен на такой тонкий ход рассуждений, как ты сама, – Оддбранд тем временем вернулся к тому, с чего начал. – Он не подумает, что ты хочешь его уязвить, и не обрадуется. Он на самом деле уязвится. Не стоит судить о людях по себе. Опасно недооценить противника, но переоценивать его... неумно. Это значит доставлять себе лишний труд. А тебе не стоит этого делать. Видишь ли, любая сила приносит достойные плоды только тогда, когда она направлена в нужную сторону.

– Для этого все же надо иметь, что направить! – огрызнулась Ингвильда, глянув в сторону шатра. Ее досада предназначалась вовсе не Оддбранду, а Вильмунду конунгу, который стоял возле своего коня и обиженно не смотрел в ее сторону.

– Сила может быть и маленькой. – Оддбранд пожал плечами. – Главное – знать, к чему и как ее приложить. Как говорится, много маленьких ручьев делают большую реку.

* * *

На другое утро после приезда с Каменного мыса Вильмунд конунг поднялся поздно. Покой уже был пуст, все мужчины, спавшие здесь, давно встали и разошлись – со двора слышались приглушенные толстыми бревенчатыми стенами обрывки криков, возгласов, взлетающих и опадающих, как волна. Наверное, борются или в мяч играют. Можно бы пойти присо-

³ Намек на стих из Старшей Эдды: «Счастливы те, / кто в жизни славны / разумом добрым». Перевод А. Корсуна.

единиться... Но, честно говоря, Вильмунду конунгу вообще не хотелось вставать. Собственно, зачем? Слоняться без дела по усадьбе, ловить вопросительные взгляды, видеть в них одно: когда же? Когда? Вильмунд конунг и сам хотел бы знать – когда? Когда Фрейвид Огниво, его суровый, властный и непреклонный воспитатель, перед которым Вильмунд до сих пор робел, как мальчишка, соизволит выполнить свои обещания и приведет войско, с которым не стыдно выйти навстречу проклятому Торбранду Троллю, которого фьялли называют своим конунгом? Но любая мысль о фьяллах была мучительна, поскольку приводила на ум Ингвильду и Хродмара сына Кари. Чтоб тролли взяли их обоих!

Натягивая на ногу башмак, Вильмунд хмурился и кусал губы, как будто это простое действие причиняло ему страдания. На самом деле во всем виновата она, Ингвильда! Ни полчища фьяллей на Квиттингском Севере, ни страх перед возвращением отца, ни досада на Фрейвида Огниво не терзали Вильмунда конунга так, как измена Ингвильды. Это казалось ему изменой: ведь раньше, пока он жил в усадьбе Фрейвида, они с Ингвильдой не ссорились, и она улыбалась ему, а не кому-то другому. А потом появился этот фьяль со своей «гнилой смертью» – почему он от нее не подох?! И Ингвильда забыла все прежнее, точно рябой тролль околдовал ее. Даже в день их обручения с Вильмундом она говорила, что не полюбит его. Даже сейчас...

К счастью, Вильмунд плохо помнил, что они оба говорили на том пиру в усадьбе Каменный Мыс. Он был тогда слишком пьян, чтобы помнить слова, но у него осталось общее впечатление чего-то досадного, постыдного, и углубляться в воспоминания не хотелось, как не хочется мешать руками болотную муть. Но изменница Ингвильда, желанная и ненавистная, казалась ему причиной всех прошлых и будущих несчастий. Люби она его, он сейчас выходил бы из спального покоя совсем в другом настроении.

За дверью Вильмунд конунг сразу наткнулся на няньку маленького Бергвида, сына кюны Даллы.

– Приветствую тебя, конунг! – Рабыня поклонилась, и Вильмунд приостановился. Фрегна, круглолицая и веснушчатая женщина средних лет, была доверенной служанкой кюны Даллы и обычно приходила с вестями от нее. – Кюна прислала меня сказать, что ей бы хотелось поговорить с тобой, – продолжала рабыня. – Она была бы рада, если бы ты пришел к ней прямо сейчас.

Молча кивнув, Вильмунд конунг вслед за рабыней направился к девичьей. Мачеха уже ждала его, сидя на краю пышно убранной лежанки и держа на руках маленького Бергвида. При виде Вильмунда ее миловидное лицо озарилось ласковой улыбкой, и Вильмунд не удержался от улыбки в ответ. Мачеха была старше его всего на четыре года, и ее красота, ее ласковое обращение заметно утешали его в потере Ингвильды. Чем суровее обходилась с ним невеста, тем приветливее делалась мачеха, и Вильмунд испытывал к ней благодарность за это.

– Садись-ка рядом со мной, конунг! – сердечно сказала Далла, передавая ребенка Фрегне.

Ни в чьих других устах слово «конунг» не доставляло Вильмунду такого удовольствия. Сев рядом, он взял руку Даллы и крепко сжал. Нет, жизнь может быть совсем не плохой, когда где-то рядом есть такая приветливая женщина, такая нарядная и красивая в зеленом платье с отделкой из полос синего шелка, с золотыми цепями на груди и золотыми браслетами на обеих руках. Вильмунд придвинулся к ней поближе, и Далла бросила на него многозначительный взгляд, ласковый и чуть смущенный одновременно. Свободной рукой она разглаживала на коленях передник из тонкого говорлинского льна, вышитый крупными стежками синей шерсти и безупречно чистый, носимый только ради обычая.⁴ Так и казалось, что она хочет броситься ему на шею, но стесняется рабынь, сидящих поодаль за прятками. Рядом с этой маленькой женщиной Вильмунд чувствовал себя настоящим конунгом. И притом она так добра, так дея-

⁴ Передник, как и головное покрывало, был частью костюма замужней женщины.

тельно и внимательно заботится о его пользе, дает такие умные советы! Вильмунд потянулся обнять ее сзади, но она бросила взгляд на женщин и оттолкнула его руку.

– Послушай-ка, что я хотела тебе сказать, – торопливо, словно боясь отвлечься и забыть, начала кюна Далла. – Конечно, ты правильно поступил, что поручил этому Брендольву с восточного берега выводить такого хорошего коня и тем дал ему возможность стать победителем. Но я боюсь, что он не очень хорошо тебя отблагодарил.

– Что такое? – Вильмунд нахмурился. Сама Далла посоветовала ему дать коня Брендольву, и он был очень доволен исходом дела, которое и прославило его как владельца коня, и позволило оказать честь будущему родичу Хельги хёвдинга.

– Ты ведь заметил, что на обратном пути он беседовал с Ингвильдой? – с намеком глянув ему в глаза, произнесла Далла.

Вильмунд опустил взгляд. Он не любил говорить об Ингвильде даже с Даллой. И именно потому, что кюна Далла знала все неприятные для Вильмунда особенности отношений с невестой.

– Конечно, ты видел! – без прежней мягкости, настойчиво продолжала Далла. – Этого не видел разве что слепой! Все видели, как она приветливо говорила с ним, чтобы побольше уязвить тебя! На глазах у всех людей! Она ни перед чем не остановится, чтобы тебя опозорить! И все видели, как она подарила ему кольцо. Я не слышала, о чем у них шла речь, но боюсь, что эта дружба плохо кончится!

– Но что там может быть? – не поднимая глаз, хмуро ответил Вильмунд. – Она же вслух говорит, что любит рябого тролля. Не может же она полюбить еще и этого... Правда, он тоже рябой, хотя до того ему далеко.

– Зато он может полюбить ее! – горячо воскликнула кюна Далла. Так говорят: «Но ведь дом может загореться!» – О, я-то видела, какими глазами он на нее смотрит! И тогда, на пиру, когда она хотела подать ему рог, и потом на дороге, и еще раньше, здесь, в усадьбе! Он просто ест ее глазами! Того гляди, он передумает жениться на дочке Хельги хёвдинга.

Кюна Далла замолчала, давая Вильмунду самому сделать нерадостные выводы. Но он пожал плечами: ну и что?

– Ты не понимаешь! – сокрушенно втолковывала кюна Далла. – Ведь Брендолъв – твой человек. Он сам, без зова, приехал сюда, чтобы сразаться вместе с тобой. А Хельги хёвдинг не приехал и не собирается. Если Брендолъв женится на его дочке, то сможет гораздо легче собрать войско восточного берега и привести сюда. Он знатного рода, знатнее Хельги Птичьего Носа. Если наши дела пойдут хорошо, то можно будет заставить восточный берег выбрать в хёвдинги его, Брендольва! И тогда восточный берег будет весь в наших руках! Понимаешь? А для этого нужно, чтобы он женился на дочке Хельги, а не бросил ее ради Ингвильды!

– Но как он бросит ее ради Ингвильды, если Ингвильда его не любит?

– Она может притвориться! Ты не знаешь, как хитры могут быть женщины, как умело они притворяются! – горячо убеждала кюна, а у Вильмунда, увы, не хватило сообразительности принять это к сведению. Он был слишком сокрушен и не имел желания искать себе другие беды, кроме тех, что находили его сами. – Она может сделать вид, что любит его, и тогда он поможет ей бежать отсюда!

– Бежать? – Изумленный Вильмунд поднял глаза на кюну. Ничего подобного не приходило ему в голову, и при всей его досаде на Ингвильду лишиться ее, да еще таким непочетным образом, казалось хуже смерти.

– Конечно! Он увезет ее к себе на восточный берег и тем опозорит тебя, лишит поддержки Хельги хёвдинга! От него надо избавиться.

– Как?

– Это не трудно. – Кюна небрежно махнула рукой. – Ты сейчас позови его и скажи, чтобы он ехал к моему брату Гримкелю... Или лучше пусть отправляется к себе на восточный берег и

поторопит Хельги хёвдинга собирать войско. Нечего ему сидеть здесь, потому что без большого войска битвы все равно не будет.

Гест*, посланный на поиски Брендолва сына Гудмода, нашел его в спальном покое на лежанке за созерцанием потолка.

– Там пришел Торстейн из Утиног Озера, – рассказывал сидящий рядом Асмунд, напрасно пытаясь расшевелить друзей. – Приглашает завтра к себе метать камни. Говорит, он достал такой залог, что даже однорукий согласится попробовать. И что на этот раз он непременно одолеет Ингвара Косматого. Пойдемте? Вот посмеемся!

Брендолв пожал плечами.

– А еще парни придумали состязаться, кто лучше метнет нож за спину, – чуть помолчав, вспомнил Асмунд. – Не хотите попробовать?

– А еще можно сыграть, кто дальше плюнет, – с той же насильственной бодростью, передразнивая, предложил Эрнгельд.

Оба друга засмеялись, но в шутке была большая доля правды. До подобных детских забав оставалось недалеко.

– Брендолв сын Гудмода! – окликнул вошедший гест. – Конунг зовет тебя.

Как ужаленный, Брендолв дрыгнул в воздухе ногами и стремительно поднялся, стал оправлять рубаху, накидку и пояс. Неужели что-то начнет происходить? Наконец-то!

– Иди, иди! – насмешливо напутствовал Эрнгельд. – Должно быть, конунг хочет, чтобы ты вывел на бой еще одного жеребца.

– Или борова! – подхватил Асмунд. – Лучше всего было бы устроить бой свирепых жаб, но боюсь, они не проснутся даже ради конунга...

Брендолв их уже не слушал. Он бежал за гестом, убежденный, что наконец-то его ждет серьезное дело.

Против обыкновения, конунг ждал его не в гриднице, а в девичьей. Брендолв тут еще не бывал и с некоторой неуверенностью вступил во владения кюны Даллы. Сама она тоже находилась здесь и нянчила младенца, сидя на пышно убранной мехами лежанке. Резные столбы по углам делали лежанку похожей на почетное сиденье конунга и придавали молодой женщине истинно царственный вид. Но Брендолву было неприятно ее видеть: эта маленькая миловидная женщина с острыми хитроватыми глазками, с подвижным, но не слишком умным лицом чем-то не нравилась ему. При всей пестроте и пышности ее наряда, при всей надменности, которую она умела напускать на себя, она казалась полным ничтожеством рядом со спокойной, сдержанной Ингвильдой. Почему-то казалось, что кюна Далла как-то мешает Вильмунду сыну Стюрмира быть тем, кем он должен быть, имея на поясе освященный меч конунга.

– Я вижу, ты немного заскучал! – сказал Брендолву Вильмунд. – Смелому скучно сидеть без дела, верно?

Молодой конунг старался держаться бодро и говорить весело, но Брендолв видел, что тот чем-то угнетен, и это наполняло его самого неприятным чувством. Впрочем, чему удивляться? На месте Вильмунда каждый был бы невесел.

– Я хочу, чтобы ты поехал на Острый мыс и посмотрел, как там идут дела у моего родича Гримкеля ярла*, – продолжал Вильмунд конунг. – А потом тебе следует поехать на восточное побережье и передать Хельги хёвдингу мое приказание: немедленно собирать войско и вести его сюда. Теперь уже ясно, что фьялли и рауды не будут обходить Медный Лес с восточной стороны и восточному побережью ничего не угрожает. Хельги хёвдинг должен помочь нам отстоять западный берег. Скажи ему об этом. Ты – доблестный человек, и я уверен, что ты сможешь выполнить это дело.

Брендолв промолчал. Ему было неприятно, что его отсылают прочь, хотя бы и с таким почетным поручением. Он хотел что-то сделать сам, а ему досталось только подгонять Хельги

хёвдинга. Который, по правде говоря, не нуждается в понукании и сам знает, что и когда ему делать.

– Вильмунду конунгу нужны верные люди на восточном побережье, – сказала кюна Далла. – Мы верим в твою преданность и будем рады узнать, что ты женился на дочери Хельги хёвдинга. Тогда мы сможем не опасаться предательства с его стороны. Тогда он не повторит ошибок Фрейвида Огниво.

– Хельги хёвдинг не может быть предателем! – горячо воскликнул Брендолльв. Сомнение в чести Хельги хёвдинга задело его так же сильно, как если бы в предательстве обвинили его самого, и он враждебно глянул на кюну. Он неосознанно считал своим долгом защитить оставшихся за спиной близких от нападков этой женщины, которая так легко предала своего мужа и променяла его на пасынка. – Он – смелый, высокородный, доблестный человек! Я уверен, что он уже собирает войско! Просто он не хочет погубить его впустую и ждет, чтобы убедиться... Что весь Квиттинг пойдет в бой единой дружиной!

– Он сможет верить в это крепче, когда отдаст тебе дочку и в придачу войско, чтобы ты привел его сюда! – твердо, повелительно сказала кюна Далла. С неженской суровостью она глянула Брендолльву в глаза, и он со всей ясностью ощутил, что власть здесь принадлежит именно кюне Далле, хочет он того или нет. – И чем быстрее все это произойдет, тем лучше. Будет хорошо, если ты отправишься в путь прямо завтра. Дорога неблизкая. Фьялли, может быть, сегодня ближе к нам, чем Хельги с его войском!

Брендолльв вышел, и кюна Далла проводила его взглядом. В ее острых глазках светилось скрытое торжество. Вот она и одержала еще одну маленькую, но важную победу, выбила еще один камень из-под ног у своей соперницы. Брендолльв пылок и решителен, он мог бы стать серьезной опорой для Ингвильды, если бы та успела его приручить. Кюна Далла была уверена, что точно разгадала замыслы ненавистной гордячки. Ведь склонность судить о других по себе – весьма распространенный недостаток, ему подвержены многие как благородные по духу люди, так и совсем наоборот. Как сказал бы Оддбранд Наследство, вор всех ворами считает. День за днем кюна Далла незаметно и умело разжигала в душе Вильмунда все большую вражду к невесте, которая, обернись все по-другому, могла бы вертеть им так же легко, как Далла. Только, разумеется, к своей собственной выгоде. Нет, Далле не нужна была женитьба Вильмунда и рождение его детей, которые преградят дорогу к власти маленькому Бергвиду, не нужно было усиление Фрейвида в ущерб ее брату Гримкелю, хёвдингу южной четверти Квиттинга. Ну, и себе самой она приобретет, если все сложится удачно, гораздо более приятного и удобного мужа, чем старый и грубый Стюрмир по прозвищу Метельный Великан.

Глава 2

Брендольв видел дороги и повеселее, чем оказался его путь от озера Фрейра к Острому мысу. Каждый вечер он с трудом находил ночлег для своей дружины: все усадьбы, даже дворы бедных бондов* были переполнены постояльцами, в основном беженцами с Севера. На Брендольва, знатного человека, приехавшего прямо от конунга, смотрели с тем же вопросом в глазах, с каким он сам смотрел на Вильмунда: когда же все это кончится? Скоро будем драться?

– Мы торчим тут, в этом навозном сарае, спим вповалку, как свиньи! – на одном из ночлегов ругался какой-то хёльд, у которого за спиной осталась сожженная фьяллями усадьба, а на руках полтора десятка домочадцев. – И еще благодарим богов, что нас пустили жить в старый хлев! А то могли бы остаться зимой в лесу! Дичи уже почти нет, серебро у меня на исходе. Вчера пряжку с пояса продал, скоро штаны буду руками держать! Мы угнали с собой все скотину, и вот уже съели всех коров и овец. Осталось приняться за лошадей! Так что впереди у нас каждый день – священный праздник!

– Конунг думает собирать войско или ждет, пока мы подохнем тут от голода? – уже безо всякой почтительности подхватил другой, даже не назвав сначала своего имени. – Если мы не вернем наши усадьбы до весны, не посеем вовремя, то я не знаю, сколько из нас увидит следующую зиму! Скорее, никто!

И в ответ Брендольву оставалось только повторять те же доводы, которыми отговаривался Вильмунд конунг, бранить медлительного – или изменчивого – Фрейвида хёвдинга, который не дает войска, обещать скорую помощь восточного берега... А что ему еще оставалось?

– Я, конечно, не вправе давать советы такому знатному человеку, – перед отъездом напутствовал Брендольва хозяин одной из усадеб, носившей смешное название Овсяные Ключья и так же переполненной незваными и невольными гостями, как и все другие. – Да тебе, пожалуй, и нечего бояться. С такой большой дружиной тебя не тронут...

– Кто не тронет? – хмуро спросил Брендольв. В тесном и душном овине, где он и его хирдманы спали чуть ли не на головах друг у друга, он совсем не выспался и чувствовал себя почти больным от усталости.

– Тролли знают их имена, а я и знать не хочу! Между нами и хутором Эрлейка Хромого завелись какие-то разбойники. И меня не удивит, если раньше они были добрыми бондами с Севера! Ко мне уже приходили люди, которые от них пострадали. Правда, у тебя большая дружина, а их гораздо меньше. Тебе не стоит тревожиться.

Но Брендольв тревожился, хотя и не за себя. Его опасения, с которыми он еще в начале зимы плыл домой от кваргов, начали сбываться во всей полноте. Хозяева усадеб жаловались, что бродяги выгребли все овощи из полевых хранилищ, унесли все сено из лесных сараев. Земля, до которой враги еще не дошли, уже оказалась разорена. Конечно, на дружину в сорок человек разбойничьи ватаги не смели покушаться, и Брендольв доехал до цели без приключений такого рода, но на душе у него было невесело. Глядя на унылые леса, голые каменистые холмы, меж которыми пролегал его путь на юг, он живо воображал оборванных, голодных, угрюмых людей, которым нужда и отчаяние не оставили другого выбора. Наверняка кто-то сейчас лежит в этих холмах с дубинами и луками, мерзнет, растирает застывшие пальцы, но не смеет развести огня, выжидая, пока поедет добыча послабее и попроще! Здесь-то никто не подумает, что в округе завелись тролли! Тролли завелись в человеческих душах, но это вызывало не возмущение, а горечь. Ибо этих троллей вырастила сама жизнь, и простым возмущением их не изгнать. Сначала надо изгнать из страны захватчиков. А победоносные битвы уходили в сознании Брендольва все дальше и дальше. У квиттов нет войска, нет достойного вождя. А без этого и сам Сигурд Убийца Фафнира* ничего не сделает. Это только в сагах герой бывает один... Странно было думать, что совсем недавно, пару месяцев назад, он сам, Брен-

долвь, верил в саги и мечтал о великих подвигах, совершаемых в гордом одиночестве. Вздыхая при виде неприветливых холмистых долин, Брендольв надеялся, что малость поднабрался ума.

На Остром мысу было полно народу, как будто тинг, собранный здесь осенью, решил никуда не расходиться и переждать до следующего года. Но теперь Брендольва это не удивило. Завидев впереди море, он уверенно повел свою дружину к усадьбе Лейрингов, рода, из которого происходила кюна Далла. В прошлый раз, когда он ехал на озеро Фрейра, шумливые и заносчивые Лейринги не понравились Брендольву, и он не стал бы искать у них гостеприимства. Но, в конце концов, сама кюна Далла послала его к ним! Примут, не разорятся!

– Ты откуда и к кому? – грубо спросил какой-то хирдман, когда Брендольв въехал во двор усадьбы.

– Я – Брендольв сын Гудмода с восточного побережья! – надменно и зло ответил Брендольв. – У меня есть что передать от кюны Даллы ее брату Гримкелю.

– Гримкеля ярла нет, – уже помягче, но так же хмуро ответил хирдман. – Он собирает войско. Я скажу хозяйке. Пойдем.

Йорунн хозяйка, к которой хирдман отвел Брендольва, сидела в гриднице среди мужчин, не на высоком хозяйском месте, но совсем рядом с ним. Это была сморщенная, неприятная старуха, и казалось невероятным, что это родная мать молодой и красивой кюны Даллы. Однако глаза ее под морщинистыми темными веками смотрели умно, и Брендольв понадеялся, что хотя бы с ней он сможет договориться.

– Ты – Брендольв с востока? – спросила Йорунн хозяйка, пристально глянув на него. – Узнала, узнала. Таких молодцов тут теперь немного, кто еще не боится прямо смотреть людям в глаза. Все теперь только и делают, что бегают и ищут, где бы спрятаться. Отчего ты уехал от конунга? Ему нужны люди.

– Кюна Далла просила меня приехать и узнать, как идут дела у Гримкеля ярла, – учтиво ответил Брендольв. Речь старухи была не веселой, но вполне вежливой, и он немного успокоился.

– Э, лучше бы она позаботилась о чем-нибудь другом! – Йорунн хозяйка махнула коричневатой морщинистой рукой с золотыми цепями, обвитыми вокруг запястья. – Гримкель ярл собирает войско. Каждого крота надо за шкурку тащить из его норы, а они еще упираются и лапами, и хвостом, и еще кое-чем... Мальфрид! – Старуха запнулась и глянула на скамью в дальнем конце гридницы, где находились несколько женщин. – Что ты сидишь, как кошка на солнышке? Не видишь, у нас знатный гость, прямо с дороги! Принеси ему пива! Да скажи, чтобы топили баню! Пусть Ульв гонит всю шваль из гостевого дома – нам надо разместить... Сколько у тебя людей? – Она опять обернулась к Брендольву.

– Тридцать восемь, – ответил он.

Хорошо, что просить о пристанище не пришлось, но пригласить могли бы и повежливее. Похоже, старая Йорунн считала, что вежливость роду Лейрингов сейчас не по средствам. И так сколько попрошаек приходится кормить!

Высокая худощавая девушка с большими светло-серыми глазами и прямо лежащими светлыми волосами поднесла Брендольву рог с пивом. Ей не повезло родиться красавицей – хорошими, кроме волос и глаз, у нее были только длинные черные ресницы, а нос достался некрасивый, да и лоб узковат. Но она так нарядно одевалась, так величаво, со скрытым кокетством держалась, так многозначительно поглядывала, что невольно думалось: она заслуживает быть красавицей, а значит, достойна соответствующего обращения. И Брендольв, принимая рог, изобразил глазами восхищение. Девушка улыбнулась и притворно потупилась. Истинного смущения в ней не было ни капли.

– Это моя младшая племянница, Мальфрид, – пояснила Йорунн. – Самая завидная невеста Квиттингского Юга. На ней хотел жениться Вильмунд конунг, да Фрейвид Огниво опередил нас и подсунул ему свою дочку. Так что Мальфрид пока не обручена.

– Сейчас неподходящее время, чтобы говорить об обручениях и свадьбах, – произнесла Мальфрид, но ее взгляд, устремленный на Брендольва, ясно говорил иное.

По ее мнению, праздновать свадьбу можно даже в горящем доме. Нашелся бы достойный жених. Ее мягкий протяжный голос напоминал кошачье мяуканье. Все же она была весьма привлекательна, и Брендольв ощутил какое-то смутное опасение.

– Вот это верно! – ответил он на слова Мальфрид. – Я вот тоже обручен... с дочерью Хельги хёвдинга, и свадьбу решили справлять на Празднике Дис*. Только теперь...

– Теперь никто не знает, что будет с ним завтра, что уж помышлять о Празднике Дис! – сказала Йорунн. – Иди отдохни с дороги. Потом побеседуем.

Мальфрид больше ничего не сказала, но Брендольв ушел со спокойным сознанием, что он ее предупредил.

Несмотря на гостеприимство старой Йорунн, усадьба Лейрингов Брендольву не понравилась. Он слышал, что на Остром мысу ее прозвали Вороньим Гнездом, и уже понял почему. Здесь жило слишком много народу, как и везде, но ни в ком не было согласия. Даже сами постройки лепились вокруг большого хозяйского дома с прихотливой нелепостью. Рабы ссорились с рабами, хирдманы – с хирдманами, все вместе обижались на хозяев, а хозяева бранились друг с другом. Даже в гриднице, куда Брендольва позвали ужинать, его поджидало приключение.

– Это еще кто такой? Ты чего расселся на моем месте? – рявкнул какой-то здоровенный парень со множеством мелких светлых кудряшек, облаком стоявших вокруг головы. Но это было единственным его украшением: низкий лоб и туповатые самодовольные глазки производили не лучшее впечатление.

– Раз сел, значит, имею право! – резко, обиженный наглым выпадом, ответил Брендольв. – Или ты по утрам мотаешь здесь шерсть?⁵ Попробуй столкни!

– Я тебя не столкну, я тебя по стенке размажу! – завопил пышноволосяй. – Навалило тут попрошаек, да еще и таких...

Со сжатыми кулаками он бросился к Брендольву, Брендольв вскочил, готовый защищаться, уже зная, каким приемом отразит первый натиск, уже видя его и свои движения как свершившиеся... И вдруг кто-то тонкий и легкий, желтовато-белый, звенящий и льющийся, с пронзительным визгом бросился между ними и вцепился в кулаки пышноволового. Брендольв узнал Мальфрид, одетую в белую рубаху и темно-желтое нарядное платье.

– Аслак! Стой, бычина! Стой, чтоб тебя тролли взяли! – вопила она, с неожиданной силой вцепившись в руки брата (ибо Аслак Облако был одним из ее братьев).

Аслак остановился, попытался ее стряхнуть, потом совсем затих, тяжело дыша и глядя на Брендольва с выражением тупой ярости.

– Знала я, что ты дурак, но не настолько же! – ненавидяще шипела Мальфрид, как разъяренная кошка. – Ты на кого полез, медведь безголовый! Да ты ему должен хвалебные песни сочинять! Если бы ума хватило! Не слышал, что мать сказала? Тролли тебе в уши наклали? Никогда не слушаешь!

– Пусти! – Аслак тряхнул кулаками, и Мальфрид выпустила его, видя, что он уже успокоился. – Кто это такой-то? Чего мать говорила?

– Глухая колода! Иди отсюда, чтобы я тебя близко не видела! А он будет здесь сидеть! Всегда! Понял?

Не ответив, Аслак пошел прочь. Брендольв смотрел ему вслед, безгранично изумленный. Чтобы хозяин так встречал гостя? Чтобы женщина при всей гриднице такими словами честила мужчину, а он терпел и подчинялся? Как видно, у Лейрингов всем правили женщины.

⁵ Это тяжкое оскорбление, поскольку приписывает мужчине занятие женской работой.

И понятнее делалось желание кюны Даллы, их родственницы, управлять сначала Стюрмиром конунгом, а потом, когда не вышло, сменить его на более послушного Вильмунда конунга.

– Не обращай внимания. – Мальфрид уселась рядом с Брендольвом и махнула рукой вслед уходящему Аслаку. – Он дурак. У него на голове – облако, а в голове – туман. Йорунн хотела женить его на Ингвильде, Фрейвдовой дочке, а ее перехватил Стюрмир конунг для Вильмунда. Вот он теперь и обиделся.

Этот придурок хотел жениться на Ингвильде! При мысли об этом Брендольв покраснел от досады, чувствуя, что в этом случае без раздумий убил бы Аслака. Не ради своей выгоды, а просто чтобы не владел тем, чего не достоин.

Весь остаток вечера Мальфрид сидела рядом с Брендольвом, наливала ему пива, пила из его чаши и развлекала его как могла. Брендольв разглядел, что она не так юна, как казалась с первого взгляда – пожалуй, она была даже года на два постарше его. Смеялась она громко, но как-то неестественно, держалась свободно, но Брендольву чудилась в ее светлых, временами томных глазах глубоко скрытая тоска и неуверенность. Все ее поведение говорило о том, что общество чужих мужчин для нее давно привычно, но все же Брендольву льстило то, что из всех гостей хозяйская дочка выбрала именно его. Маленький тщеславный тролль в его душе раздулся от гордости и затолкал тревожные раздумья подальше.

Назавтра Брендольв попробовал завести с Йорунн хозяйкой разговор о сборе войска, но она опять махнула рукой.

– Откуда я знаю, как там у Гримкеля и Тюрвинда идут дела? Пусть мужчины собирают войско, ведь на что-то же они годны! А когда соберут, тогда и посмотрим. Не забивай себе голову раньше времени. От раздумий доблесть усыхает. Ты не знал? Иди лучше поболтай с Мальфрид.

Брендольву не очень хотелось болтать с Мальфрид, но другого дела не находилось. Прошло три дня, и он обнаружил, что Острый мыс поразительно похож на озеро Фрейра. Здесь тоже толкалось множество народу, который и хотел, и мог бы что-то сделать, если бы кто-нибудь собрал его силу и направил в нужное русло. Но кто? От Вильмунда конунга Брендольв уже ничего хорошего не ждал и надеялся только на Гримкеля ярла. Может быть, брат кюны окажется достойным вождем?

– А что, у вас на Востоке большая усадьба? – время от времени принималась расспрашивать его Йорунн хозяйка. – Сколько у вас скота? А дружину держите большую? А сколько земли засеаете? Это все далеко от усадьбы? А бондов в округе много?

Брендольв отвечал даже с удовольствием, мысленно уносясь в родные места. Усадьба Лаберг, ее поля и горные пастбища, вехи на берегах, по которым ищут места рыбных ловов, и каменные площадки на прибрежных скалах, после удачного лова засыпанные сохнувшей рыбой, – все это он видел как наяву и невольно стремился туда, хотя и понимал, что попасть домой доведется не скоро.

– А Хельги хёвдинг такой же богач? – как-то спросила Йорунн. – А ты, значит, обручен с его дочкой?

– Да. – Брендольв кивнул. Хельга почему-то помнилась ему такой, к какой он привык еще в детстве, маленькой резвой девочкой. Ее новый, взрослый образ, в котором он наблюдал ее только месяц, побледнел в его памяти.

– Небось, вас еще с детства обручили? – прищурившись, спросила Йорунн.

– Нет. Совсем недавно, вскоре после йоля*. Мы... Мой отец немного повздорил с Хельги, а потом они помирились и решили...

– Ясно, ясно! – Старуха затрясла головой. – Ну, недавнее обручение большой силы не имеет. Никто не удивится, если ты выберешь другую.

– Какую другую? – Брендольв вытаращил глаза в показном изумлении, но имел сильные подозрения – какую.

– Да хотя бы нашу Мальфрид! – прямо ответила старуха и покосилась в сторону женской скамьи.

Мальфрид сидела в самой середине, как невеста, нарядная, убранная золотом, прямая и величавая, с замкнутым и гордым лицом, словно через всю гридницу слышала, о чем тут идет речь.

– Моя племянница знатнее родом, чем дочка Хельги Птичьего Носа, – продолжала Йорунн. – Она – сестра самой кюны, тетка будущего конунга! Такое родство на дороге не валяется! Ее хотел взять в жены Вильмунд конунг, только Фрейвид Огниво, чтоб его великаны взяли, помешал! Такая жена прибавит тебе немало чести! Я не хочу отдать ее кому попало, а ты, я вижу, достойный человек! Подумай, что я тебе сказала!

С этими словами Йорунн ушла, не дав Брендолву ответить, и через мгновение уже громко бранила кого-то за другим столом. Ошеломленный Брендолв слушал, чувствуя, что находится под властью суровой и решительной старухи почти так же, как и тот хирдман, что сейчас жалобно выкрикивал оправдания. В душе его смущение мешалось с возмущением. Ему предлагают нарушить слово, расторгнуть обручение безо всякой вины Хельги хёвдинга – нет, это недостойно! Правда, Лейринги знатнее, это верно, и родство с конунгом – не пустые слова...

– Слышишь, как запела! – проворчал Брюньольв Бузинный, сосед, у которого на Остром мысу была большая усадьба. В прошлый свой приезд Брендолв останавливался у него и сейчас обернулся на знакомый голос. – Уже и девчонку сватает! – продолжал Брюньольв. – Нашла жениха! Ты ей тем стал достойным человеком, что у тебя усадьба далеко от фьяллей! – убежденно втолковывал он Брендолву. – Не так уж давно им предлагали в жены Аслаку дочку северного хёвдинга Ингстейна. Ингстейн думал обзавестись родней на юге и пересидеть у нее в случае чего. Тогда Лейринги не захотели брать в свой род чужую беду! Говорят же: чужая беда может стать и твоей! Вот и дождались, что теперь пытаются свою собственную беду навязать на шею кому-то другому. Ты, конечно, вправе поступать по-своему, но я назвал бы дураком того, кто поддастся на их плутни!

Брендолв посмотрел на Мальфрид. Она подняла свои огромные светло-серые, как водой налитые глазищи и смотрела на него через всю гридницу, то ли завлекая, то ли умоляя о чем-то. У Брендолва дрогнуло сердце: казалось, что, отказываясь от этого брака, он бросает женщину в беде. Но не соглашаться же теперь! Он не может, он не свободен! При виде лица Мальфрид ему вдруг ясно вспомнилась Хельга, такая, какой она была в день их последнего свидания у кривой елки, куда он, как дурак, притащился со всем оружием, надеясь потрясти ее своим мужественным видом, – взрослая, печальная и трогательная в этой недетской печали. Сердце защемило от горячий, почти болезненной любви, прихлынувшей откуда-то как волна, захотелось скорее к ней, туда, где все такое же родное и чистое, как она, его невеста, его судьба... Ради какого тролля он торчит здесь, на Остром мысу, когда ясно, что снаряжать войско и воевать с фьяллями никто особо не собирается? Если все только и делают, что бегают и ищут, где бы спрятаться, точно крысы? Не исключая и самой Йорунн, которая так точно описала положение дел. «Я же должен ехать к Хельги и передать ему приказ вести войско», – вспомнил Брендолв и рассердился сам на себя за то, что потерял в этом вороньем гнезде несколько дней. Но на самом деле он знал: не желание выполнить поручение конунга влечет его домой, а только стремление скорее увидеть Хельгу.

* * *

Вечером, уже в густых сумерках, когда лишь луна, мелькая сквозь облака, бросала на широкий двор усадьбы беловатые пятна света, Брендолв вышел прогуляться к одному строению, необходимому всякой усадьбе без исключения. На обратном пути ему почудилось, что

кто-то его окликнул. Обернувшись, Брендольв увидел возле угла длинного строения... (нет, это был не мертвец)... тонкую женскую фигуру, закутанную в плащ.

– Иди сюда! – Знакомая фигура метнулась к нему, тонкие прохладные пальцы вцепились в руку и потащили за угол.

Между задней стеной длинного отхожего места и земляной стеной усадьбы оставалось небольшое пустое пространство. Мальфрид первой скользнула туда и потянула за собой Брендольва.

– Это, конечно, не палаты с коврами на стенах и золотом вместо светильников, но другого нет, где можно поговорить! – торопливо зашептала она. – Во всем доме нет свободного места, да ты сам знаешь! Что за жизнь такая! Чтобы их всех тролли взяли! Послушай! Ты уже догадался, что я тебе хочу сказать?

– Да, – сказал Брендольв, имея в виду, что догадался о предмете разговора. – Нет, – поправился он, сообразив, что мнение самой Мальфрид для него полная загадка.

– Насчет нашей свадьбы! – сказала Мальфрид, и Брендольв почти с ужасом ощутил себя приговоренным.

– Я не могу! – решительно запротестовал он и даже попытался отнять у Мальфрид руку, но она непустила. Ему ее пальцы казались холодными, а ей его рука – горячее, и она не выпускала, стремясь погреться. – Я обручен! У меня невеста! Я воспитывался у Хельги хёвдинга, я ее знаю всю жизнь!

– Ну и что? – протянула Мальфрид, как промяукала. Казалось, ее обидела его попытка возражать. – Вильмунд тоже воспитывался у Фрейвида и знает Ингвильду всю жизнь – много счастья они вместе нашли? Это еще ничего не значит. Каждый должен думать о чести своего рода, ведь так? А невеста из моего рода тебе принесет гораздо больше чести!

– Нарушение слова мне чести не прибавит! – довольно твердо ответил Брендольв, однако не делая новых попыток освободить руку. – Я не могу разорвать обручение, когда Хельги хёвдинг ничего не сделал такого...

Говорить о своей любви к Хельге было и грубо, и бесполезно. Брендольв надеялся, что сможет отказаться, сохранив достойное лицо.

– Но неужели ты покинешь меня? – удрученно спросила Мальфрид, и голос ее показался жалобным, как у маленькой девочки.

Ее огромные глаза мягко и светло мерцали в лунных бликах, и их блеск колдовскими чарами завораживал Брендольва, каким-то посторонним усилием подчинял новому обаянию, обращал к себе все помыслы и стремления. Мальфрид так твердо верила в свое право взять то, что ей нужно, что даже сама жертва не находила доводов против.

– Я полюбила тебя, – прошептала Мальфрид, придвинувшись ближе к Брендольву и снизу заглядывая ему в лицо. – Мы с тобой будем достойной парой, так скажут все...

Она отпустила руку Брендольва, ее ладони легли ему на плечи, потом поползли дальше, за шею, и Брендольв чувствовал себя в плену. Не отдирать же ее от себя!

– Но я обменялся обетами с Хельгой! – тоскливо ответил он, почти против воли обнимая Мальфрид (надо же было куда-то девать руки!). – Она ждет меня!

Ему было бы занятно узнать, что неполных полгода назад Ингвильда дочь Фрейвида, так восхитившая его своей смелостью, стояла на этом самом месте и говорила своему жениху Вильмунду примерно то же, что он сейчас говорил Мальфрид. Но значительно тверже и увереннее.

– А что нам за дело до людей? – мурлыкала Мальфрид, почти прижавшись губами к его уху. – Мы будем жить, как сами захотим, а кому не нравится, пусть к нам не ездит в гости! Ты знатнее Хельги, ты можешь сам стать хёвдингом. Вильмунд конунг тебя поддержит...

– Но сначала я должен поддержать его! – воскликнул Брендальв, с ужасом и с облегчением вспомнив, что ему всего несколько дней назад говорила кюна Далла. – Он хочет... Кюна

Далла хочет, чтобы я скорее женился на Хельге и привел к конунгу войско восточного берега! Она не похвалит вас, если ты выйдешь за меня вместо Хельги!

– Пусть она сама заботится о себе, а мне не мешает! – резко ответила Мальфрид. – Она уже выловила свое счастье, даже два! Она сама заварила эту брагу, пусть сама ее и пьет! А я позабочусь о себе, как сама знаю!

Напрасно было бы думать, что Йорунн хозяйка прислала племянницу сторожить Брендольва в укромном месте и склонять его к согласию всеми доступными средствами. Мальфрид не хуже других Лейрингов понимала, в чем собственная польза и как надо ее добиваться. А иного счастья, кроме как уехать подальше от фьяллей, на безопасный (пока что) восточный берег, сейчас не знал ни конунг, ни последний раб из свиарника.

– Подумай, что со мной будет! – умоляюще зашептала Мальфрид, не выпуская Брендольва из объятий. – Если сюда придут фьялли... Они все разорят, сожгут усадьбу, всех поубивают! Я не хочу быть рабыней фьяллей! Подумай обо мне! Неужели ты можешь это допустить?

Брендольву вспомнилась... Атла. Он не сразу вспомнил ее имя, но отчетливо видел перед собой ее бледное, изнуренное лицо, ее серые озлобленные глаза, упрямо сжатый тонкий рот. «От нашей усадьбы осталась куча угля и костей!» Все ее богатство составляла облезлая накидка, украденная на каком-то хуторе, и котелок (недырявый!), найденный в пустой охотничьей избушке. Но и эта девушка, знатная и богатая, чуть не ставшая женой молодого конунга, смотрит в лицо судьбе и видит ту же участь. Пришедшая в страну беда так или иначе затронет всех. От нее не спасутся ни знатные, ни простые. И стремление любой ценой от нее убежать выглядит не слишком красиво, но вполне объяснимо. Еще Один говорил: всяк занят собой. А с тем, что естественно, спорить глупо.

– Я не могу сейчас сказать, – произнес наконец Брендольв. Воспоминание об Атле, бывшей теперь частью Тингваля, укрепило его дух. – Надо еще подумать. Пойдем в дом, а то замерзнешь. Здесь и правда не лучшее место для долгих бесед.

* * *

Как говорил Оддбранд Наследство, принятое решение нужно выполнять и только тогда оно чего-то стоит. Рассвет следующего дня застал Брендольва в корабельном сарае, где уныло зимовал его «Морской Баран» в соседстве с кораблем Лейпта сына Хальвдана. Почти всю ночь проворочавшись, Брендольв к утру остался верен прежнему решению как можно скорее вернуться домой. Мучило его только одно: как сказать об этом Мальфрид? Сейчас он последними словами бранил себя за вчерашнюю слабость: нужно было сразу и наотрез отказаться от предложенного брака, поскольку оставить ради нее Хельгу совершенно невозможно. И честь, и сердце Брендольва отвергали даже мысль об этом. Но, вспоминая свое вчерашнее поведение, Брендольв не мог не признать, что немало обнадежил девушку из рода Лейрингов. Боясь встречи с нею или с Йорунн, Брендольв убежал из Вороньего Гнезда еще в утренних сумерках, надеясь, что свет дня принесет какое-нибудь прояснение и в его мысли.

Но избавление от этого трудного положения пришло с совсем неожиданной стороны. Разбирая и проверяя снасти «Морского Барана», толкуя со здешним корабельным мастером о креплении мачты, Брендольв отвлекся от всех печалей и просто радовался тому, что уже на днях можно будет выйти в море. Вдруг в корабельный сарай вошел один из хирдманов Лейринговой усадьбы (Брендольв еще никого из них не успел узнать по имени) и окликнул его:

– Брендольв хельд! Меня прислала Йорунн хозяйка. Наверное, тебе любопытно будет узнать... Стюрмир конунг вернулся!

Если бы земля под корабельным сараем расступилась и «Морской Баран» с радостным блеянием погрузился в морскую пучину... Брендольв вихрем спрыгнул с корабля и схватил хирдмана за плечо:

– Что ты сказал? Кто вернулся?

– Стюрмир конунг! – Хирдман тарашил глаза от возбуждения, не представляя, добрую новость принес или дурную. – Его «Рогатый Волк» только что пристал. Он идет со своими людьми к нам в усадьбу.

Вся дружина Брендолва столпилась вокруг него, и все молчали. Такую новость требовалось осмыслить. Давным-давно все они решили считать Стюрмира конунга мертвым, и его возвращение показалось чем-то невероятным и пугающим. Мертвецы никогда не приходят с добром.

Побледневший Брендолв закусил губу и молча сжимал в ладони волчью голову на рукояти меча. У него было такое чувство, что ему на голову пала молния. Живой, но оглушенный, он не мог собраться с мыслями и решить, что же теперь делать. Внезапно он оказался в стане врага, ибо Стюрмир конунг, к чьему сыну и сопернику Брендолв примкнул, мог быть только врагом.

– А у нас и из мужчин-то дома никого, один Аслак... – бормотал хирдман из Вороньего Гнезда.

– Что будем делать? А, хёльд? – негромко, вполголоса загудели люди Брендолва. – Нам он не слишком обрадуется... Понятно, скажет, кто с моим сыном дружен, тот мне, значит, враг... Лучше бы мы вчера уплыли... А теперь-то куда? А сам-то Вильмунд конунг где?

– Надо идти, – наконец сказал Брендолв. Опомнившись от первого потрясения, он понял, как надо поступить. Для этого и существуют саги: они подают пример того, как следует держаться достойному человеку. А именно: встречать все опасности грудью.

– Без разрешения конунга теперь все равно никому не отплыть, – сказал корабельный мастер. – Раньше все делали что хотели, а теперь у него сразу две войны: с фьяллами и с собственным сыном. Он и людей, и корабли приберет к рукам. Может, конечно, сам Вильмунд конунг прощения попросит...

Ничего не сказав, Брендолв решительным шагом вышел из корабельного сарая и направился назад, к усадьбе Лейрингов. Впереди, ниже по берегу фьорда, он ясно видел большой корабль, только что вытасченный на гальку, возле которого сустились люди. На штевне корабля возвышалась позолоченная волчья голова с рогами, сразу бросаясь в глаза. Брендолв шел, упрямо наклонив вперед голову, как под сильным ветром. Он не воображал будущую встречу, не сочинял речь, не готовил оправданий. Оправдываться – недостойное дело, пусть ленивые рабы и трусы оправдываются. Доблестный человек всегда поступает так, как считает нужным, а кому не нравится, тот может в его сторону не смотреть...

Не глядя вперед, он даже не заметил бегущую ему навстречу Мальфрид и остановился, только когда она схватила его за руку.

– Ты уже знаешь? – воскликнула она, и ее глаза, еще шире раскрытые от испуга, окончательно убедили Брендолва в верности новостей. – Да, я же послала к тебе человека. Стюрмир конунг вернулся! – тараторила она, дрожа и напрасно пытаясь скрыть дрожь за нервной улыбкой. – Он вернулся, он сейчас у нас! Куда же ему пойти, ведь своей усадьбы у него тут нет! Он ужасно зол, прямо как великан! Грозит смертью всем предателям! Его ваши предупредили, сын вашего хёвдинга! А то бы он до весны не знал...

– И хорошо, что предупредили! – сурово ответил Брендолв. – Если бы он не вернулся, то через месяц тут были бы фьялли! Может быть, теперь квитты перестанут бегать и начнут готовиться к битве. На Вильмунда, сама понимаешь, надежды плохие.

– Ты хочешь идти к нему? – с ужасом спросила Мальфрид.

– Конечно, – так же сурово ответил Брендолв, все больше уважая себя за твердость духа. Пусть Стюрмир его хоть зарубит на месте – это небольшая плата за удовольствие знать, что поступаешь достойно. – Уж не думала ли ты, что я побегу прятаться под куст?

– Нет, – с благоговейным восхищением выговорила Мальфрид и улыбнулась с привычным, хотя и неуместным сейчас кокетством. – Я хотела сказать тебе другое, – торопливо добавила она. – Уж нас-то, родичей своей жены, Стюрмир конунг не обидит. Мы должны сейчас же всем объявить, что ты мой жених, и тогда он тебя тоже не тронет.

Брендольв помолчал. Да, этот поступок заслонил бы его от занесенного топора. Но прикрыться женским подолом... Не многим лучше, чем переодеться в женское платье. И как потом показаться в Хравнефьорде?

На миг возможность разом избавиться от опасности показалась Брендольву разочарованием. Так мог бы огорчиться ребенок, у которого отняли желанную игрушку. Где же человеку проявить силу своего духа, если все опасности от него в последний миг убегают?

– Нет, – твердо ответил он, глядя на темнеющую на пригорке усадьбу Лейрингов, чтобы не смотреть в лицо Мальфрид. – Я не хочу, чтобы меня спасали женщины.

– Но послушай... – с отчаянием протянула Мальфрид и повисла на его локте.

Но Брендольв упрямо шел к усадьбе. Лейпт сын Хальвдана, Арне сын Арнхейды и несколько хирдманов шли следом, гордясь своим вожаком.

Вступая во двор усадьбы, Брендольв невольно искал взглядом Дага. Конечно, «Длинно-гривого Волка» он во фьорде не видел, но ведь у Дага мог оказаться какой-нибудь другой корабль... Ведь он плавал за Стюрмиром конунгом и наверняка должен был вернуться вместе с ним...

Но ни единого знакомого лица ему не попало. Двор, обширный и бестолковый дом были полны народом, сбежавшегося со всего Острого мыса, голоса гудели, бледные лица выражали тревогу. Брендольв прошел через сени в гридницу, и никто его не остановил. Сейчас тут не находилось таких, кто решительно шел именно в гридницу.

Стюрмир конунг сидел на почетном месте хозяина. Почти совсем поседевший за время отсутствия, свирепый и мрачный, красный от гнева, он выглядел как настоящий великан. Перед ним стоял Брюньольв Бузинный (он всегда недолюбливал Лейрингов, не спешил объявить себя сторонником Вильмунда и теперь торжествовал). А рядом с конунгом возвышался какой-то верзила с секирой на длинной рукояти. Мельком глянув, Брендольв узнал Вальгарда и от изумления застыл на месте. Вот уж о ком он не думал и кого не ждал увидеть здесь, так это Вальгарда, убийцу Ауднира, которому совершенно нечего было делать возле вернувшегося конунга. Мелькнула даже мысль, что Вальгард и есть тролль, как о нем думали в округе Тинг-валя.

– ...И тогда он не придумал ничего лучше, как запереть меня в усадьбе и поджечь... – с негодованием рассказывал конунг, когда Брендольв вошел.

Взгляд его уперся в лицо гостя, и Брендольв содрогнулся: такая сила долго сдерживаемой ярости давила из этих глаз.

– А ты кто такой? – спросил у него конунг. – Входишь ты смело, как достойный человек, а на самом деле не окажешься ли и ты из этих мокрохвостых предателей?

Йорунн хозяйка, стоявшая возле сиденья конунга с пивным рогом в руках, бросила вопросительный взгляд на Мальфрид: удалось? Умная старуха знала: ее дочь Далла виновата перед мужем не меньше, а больше всех. И родство с ней может оказаться большим несчастьем. В такой беде гораздо больше пригодится родство с хёвдингом восточного берега, к которому одному Стюрмир конунг теперь и будет благосклонен. Воспитанник – тоже родич. Конечно, могло все обернуться и так, как Мальфрид сказала Брендольву, и тогда Лейрингам пришлось бы защищать его. Но у всякого меча две стороны, и обе режут. Любая сделка может принести выгоду или убыток, любая битва – победу или поражение. Но это вовсе не значит, что в беде надо сидеть сложа руки и лишь изредка простирать их к молчащим небесам. Как подобает истинному воину, старая Йорунн выбрала битву.

– Я... – начал Брендольв и запнулся. Он хотел бы сказать что-нибудь гордое, но ничего умного на ум не шло, и он мельком пожалел, что по дороге не дал себе труда подумать. – Я – Брендольв сын Гудмода с восточного побережья... – отчеканил он и для уверенности опустил ладонь к рукояти меча.

Взгляд конунга скользнул вслед за его рукой, черные брови дрогнули.

– Мой меч! – воскликнул он. – Я подарил его Хельги Птичьему Носу! Почему он у тебя?

– Я обручен с его дочерью, – несколько растерянно ответил Брендольв. К счастью, над этим вопросом долго думать не пришлось. – Он подарил мне меч на обручение и сказал, что меч хорошо мне послужит...

– Да он ясновидящий, этот Хельги Птичий Нос! – воскликнул Стюрмир конунг, и Брендольв с изумлением, почти не веря своим глазам, заметил, что тот улыбается. Настоящей улыбкой это трудно было назвать, но Метельный Великан растягивал губы, намереваясь проявить дружелюбие. – Я вижу, его слова сбылись!

Более того. Стюрмир конунг тяжело спустился по ступенькам сиденья, подошел к окаменевшему Брендольву и похлопал его по плечу.

– Теперь я понимаю, почему ты пришел ко мне, когда все эти крысы разбежались. Ты – мой человек! – уверенно и с явным удовольствием продолжал он. – Ты остался мне верен и знай, что я сумею это оценить! Люди восточного берега узнают, что Стюрмир конунг умеет ценить верность!

Брендольв молчал. Он еще не верил в столь счастливый оборот дела и ощущал себя стоящим на тоненькой корочке льда. И почему-то ему было стыдно, словно он обманывал конунга. Но что делать: сказать сейчас, что он на самом деле шел с этим мечом против него? Да нет, не против него, а просто к Вильмунду. Потому что хотел драться с фьяллями. Это правда, и в этом нет ничего бесчестного.

– Я хочу драться с фьяллями! – хрипло, но от души произнес Брендольв. Это была единственная правда, которая не рассердит Стюрмира. – И надеюсь, что ты, конунг, дашь мне такую возможность.

– Конунг! – В гридницу поспешно вбежал кто-то из Стюрмировых хирдманов. – Сюда едет... большой отряд. Не возьмусь сказать, есть ли там твой сын, но кюну Даллу я видел.

– Ах, вот как! – Стюрмир снова нахмурился и отошел от Брендольва. – Хорошо-о! – с неясным, но тяжелым чувством протянул он. – Сейчас я узнаю, у кого еще хватит смелости взглянуть мне в глаза!

Стюрмир конунг вернулся на свое место и сел, опустив обе руки на подлокотники сиденья. Молчаливым кивком он указал Брендольву место рядом с собой, с другой стороны от Вальгарда. Брендольв встал возле резного столба. Ощущение тонкого льда под ногами не проходило. Почему Вильмунд конунг и кюна Далла так быстро решили ехать сюда вслед за ним? Когда он уезжал с озера Фрейра, об этом и речи не шло. Что их подтолкнуло? Знают ли они о возвращении Стюрмира? И как себя поведут? Что скажет Вильмунд о своих бывших сторонниках? И что скажет о нем, о Брендольве? Одно слово – и неожиданная милость Метельного Великана сменится ураганным гневом.

В гридницу вбегали какие-то люди, толпились у стен, но Брендольв смотрел только на двери. Шум множества шагов и голосов приближался. Вошла кюна Далла с маленьким Бергвидом на руках, держа ребенка, как щит, с ней кто-то из ее приближенных. Лицо кюны побледнело от страха, рот уже приоткрылся, чтобы выпустить наружу поток оправданий, отговорок, обвинений, упреков... Каждую новую фигуру в дверях Брендольв встречал с замиранием сердца, но Вильмунд конунг все не появлялся. Казалось, он растворился, потерялся по дороге, а может, его и не было никогда. На Квиттинге один конунг, и зовут его Стюрмир Метельный Великан.

И только одно лицо из тех, кто прибыл с кюной Даллой, сейчас не выражало ни растерянности, ни удивления, ни страха. Ингвильда дочь Фрейвида стояла позади кюны и смотрела на быстро багровеющего Стюрмира с гордым спокойствием норны*, чье предсказание сбылось.

* * *

Сторвальд по прозвищу Скальд сидел на ступеньке крыльца и сочинял песнь к вечернему пиру. Перед его глазами кипела обычная суэта усадьбы Эльвенэс, усиленная приготовлениями к важному и значительному событию. Волнение, вызванное квиттами, улеглось, а Рагневальд Наковальня, напротив, поднялся с одра болезни. Проще говоря, выздоровел. А как только он стал ходить, его тут же со всеми почестями пригласили к конунгу, и сам Хильмир предложил ему в знак примирения взять в жены йомфру Альвборг. Нечего и говорить, какой ответ он получил. Польщенный и осчастливленный Рагневальд немедленно начал готовиться к свадьбе, и сегодня вечером он станет родичем конунга. Вот только стихи к этому радостному событию он снова заказал Сторвальду. Ну что ж, как говорится, никто не спасет обреченного. Только дурак не учится на своих ошибках, а если человек дурак, то это обычно надолго.

Во двор загоняли стадо блеющих овец, которым уже сегодня вечером предстояло стать угощением для многочисленных гостей конунга. Бегали туда-сюда служанки, над усадьбой висел шум, но Сторвальду это не мешало. Складывая строчки, он всегда и везде видел перед собой Эльденланд – удивительную страну, где так много бурого острого камня и так мало земли, где прямо из расселин причудливых, будто изгрызенных драконьими зубами скал поднимается густой горячий пар, а в каменистых ручьях струится горячая вода – хоть мясо вари. Дрова там собирают не в лесу, которого почти нет, а на берегу моря, где прибой порой выносит самые разные вещи: от старого дырявого башмака до золоченого щита с маленькой девочкой внутри (разные ведь бывают колыбели). На памяти Сторвальда такое однажды случилось, при том девочка была жива, здорова и весело гуляла, когда сбежавшиеся женщины рассматривали ее и охали. А в глубинных областях полуострова живут тролли и, бывает, запросто приходят к людям попросить молока для своих троллят. И в обмен на горшочек сметаны оставляют такие подарки, за которые конунги насыпают тот же горшочек доверху золотыми кольцами... Сторвальд очень любил свою родину. Вот только всех эльденландцев от рождения тянет странствовать, и он охотнее других поддавался этой страсти.

Так, значит, Рагневальд желает прославлений своей доблести и своей невесты... «Только ты непременно там Расскажи, как этот квиттинский гриб хотел взять себе мою Альвборг, а я ему объяснил, что этот орешек не по его гнилым зубам!» – требовал Рагневальд, такой же гордый и шумный, как раньше. Пожалуйста! Сторвальд слегка пожал плечами, вспомнив разговор. Я расскажу... Рагневальд несколько своеобразно в тот раз проявил доблесть, но в итоге все сложилось так, как он хотел. А это уже много. Можно сказать, та самая удача, о которой все так мечтают. И которой обычно надо помогать. Так вернее.

Значит, кто смел, тот не медлит... Хорошая пословица и хорошо укладывается в строчку. И хендинг* в ней так и просится: не *медлит* смелый. Но это уже было, и не так давно, а Сторвальд не любил повторяться. Это плохой скальд однажды нападет на удачный образец и потом строгаёт одинаковые висы*, только имена меняет. А Сторвальд считал себя хорошим скальдом. Он охотно брал деньги за свои стихи, но складывал их для собственного удовольствия. А что за удовольствие вечно жевать одно и то же?

Короче, пословица нужна другая. Что-нибудь о доблести и преимуществе одного перед другим. Не поет кукушка, коршуна завидя... Крик кукушки смолкнет жалкий, Коль заклечет грозно коршун... Слишком много «к». Да и «клечет» – пусть Рагневальд сам такое сочиняет. Простирает руки враг... Руки враг жадно тянет... Тьфу! Дева дивная досталась... Деву в дар кормильцу вранов... Какой тут дар, тролли и альвы*! Жаден враг, и ждать не время...

Самому непонятно, какое созвучие ставить в начало следующей строчки – на «ж-д» или на «в-р». Тролли и альвы!

Стараясь отвлечься, Сторвальд принялся разглядывать молодых служанок. Пусть пока дрянные строчки утонут, а подходящие всплывут. Тогда их можно будет еще покрутить. Что там говорил соплеменник и друг (эльденландцы все друзья) Эгиль Угрюмый? Что он так и сыплет стихами, как обычной речью? Как бы не так! Так не бывает, и лучший скальд Морского Пути знал это лучше всех. Ничто хорошее не дается без труда, и хороший стих тоже. Лучший скальд мучается так же, как и самый захудалый. Различны бывают лишь плоды их трудов. Не всякий усердный подбиратель строчек станет хорошим скальдом, но лентяй не станет хорошим скальдом никогда. Закон такой есть. Чтобы вещь казалась легкой, в нее должно быть вложено много тяжелого труда. И сила хорошего скальда в том, чтобы не обнаружить своего усилия.

В раскрытых воротах показалось светлое пятно – знаменитая накидка из меха белого медведя. Наследник шел не спеша, помахивая подхваченным где-то прутиком. С такой же легкостью и с таким же спокойным лицом он мог бы помахивать и двуручным мечом. Но это не значит, что боги от рождения дали сыну конунга, как в сагах о древних героях, силу и умение. Просто он не любит, чтобы люди видели, как он упражняется. И стихи он тоже сочиняет не на ходу, что бы там ни болтали. Правда, основания для болтовни Хеймир поставляет сам. Даже умный человек бывает несвободен от мелкого тщеславия. Особенно когда рожден сыном конунга.

Сейчас Наследник был как-то задумчив больше обычного. Забыв на время о стихах, Сторвальд внимательно изучал его знакомое и неприметно изменчивое лицо. То есть изменчивое для него – остальные ничего не замечали, но от глаз эльденландца не укрывались перемены чужого настроения. Сторвальд сам не знал, правда ли то, что среди его праматерей имелись троллихи, но человеческие лица казались ему прозрачными, и в ранней юности он удивлялся, что слэтты, рауды, вандры, барландцы и прочие временами похожи на слепых котят и не видят очевидного.

Заметив Сторвальда, сидевшего на крыльце, Наследник приостановился. Сторвальд слегка наклонил голову и сделал неприметный знак глазами: если я тебе нужен – располагайся мной. После той ночи в Волчьих Столбах сын конунга и эльденландский скальд ощутили расположение друг к другу, но оба, как умные люди, старались не привлекать к своей дружбе постороннего внимания.

Однако сегодня Наследник не был так осторожен, как всегда. Кивком отпустив трех своих хирдманов, Наследник направился к Скальду. Сторвальд хотел встать, но Хеймир сделал ему знак сидеть и сам опустился на ступеньку рядом с ним. Сторвальд удивленно дернул левой бровью – решительное нововведение. Обычно Наследник не снисходил до столь низменного (во всех отношениях) сиденья. Несколько служанок и челядинцев оглянулись, растрепанная девчонка застыла с открытым ртом, с усилием держа за дужку тяжеленный котел и не догадываясь поставить его на землю, чтобы поудивляться с полным удобством. Но Наследник ничего не заметил.

– Скажи-ка, потомок троллей, не было ли в твоём роду ясновидящих? – негромко спросил Хеймир.

На «потомка троллей» Сторвальд не обиделся, поскольку Наследник имел в виду не оскорбить его, а подчеркнуть достойную уважения необычность его происхождения.

– Что-то не припомню, – сочувственно ответил он. – А тебе нужен ясновидящий?

– Не помешал бы, – с подавленным вздохом сознался Наследник. – Но к Гудрун Ворожее я не пойду. Я заранее знаю, что она мне скажет. Скажет, что я скоро женюсь и это пойдет всем слэттам на пользу. А потом намекнет, что ее племянница Фрейгерда отвечает всем приметам невесты для меня... Это я уже слышал.

– Я не ясновидящий, но могу угадать, о чем ты думаешь, – намекнул Сторвальд. Он очень надеялся, что Наследник думает о том же, о чем и он сам. – Ты хотел бы знать, добрался ли до места Стюрмир конунг и как его дела дома.

Наследник ответил тихим вздохом. Он и в самом деле очень хотел бы это знать. Он отдавал Альвборг за Рагневальда, чтобы обеспечить прочный порядок у себя дома и сильное войско в случае необходимости. Он дал обещание помогать Стюрмиру, которого терпеть не мог, но дружба с которым приносила большие выгоды слэттенландской торговле. Обещание надо выполнить, но сначала следует убедиться, что Стюрмир сумеет толком распорядиться помощью. Погибать вместе с ним слэтты не обещали.

– Есть еще такая поговорка: кто знает свой долг, тот не ждет, что подскажут сны, – добавил Сторвальд. – Если бы я был сыном конунга...

Он умолк, учтиво придерживая совет, которого пока не просили. Наследник повернул голову и вопросительно посмотрел ему в лицо: и что бы ты сделал? Эльденландец с косящим левым глазом не слишком походил на вещую норну, но по сути был к ней ближе, чем любой убеленный сединами мудрец. Рассуждения не приводили Хеймира к решению, и он предпочитал положиться на нерассуждающее и никогда не ошибающееся чувство, которым от рождения обладают эльденландцы.

– То я сам посмотрел бы, как у квиттов идут дела! – окончил Сторвальд.

– А ведь тебе и самому этого хочется! – проницательно заметил Наследник. – Неужели тебе надоело у нас?

– Нам везде быстро надоедает, – легко сознался Сторвальд. – Мы такой беспокойный народ, все привычное нам скучно. Нам весело только узнавать – землю, людей. А знать – скучно. Кроме того... На Квиттинге сейчас Эгиль. Нас, эльденландцев, знаешь ли, всегда тянет на родину, а нашей родиной станет любое место, где нас соберется хотя бы двое. А еще среди квиттов есть несколько человек, которых я зову своими друзьями. Мне понравился этот юный Бальдр меча, сын Хельги хёвдинга. И еще есть один человек, ты его не знаешь... Короче, мне безразлично, что станется с полуостровом, который они зовут своей родиной. Так что один спутник у тебя уже есть.

Наследник благодарно кивнул, прикидывая, как отнеслись бы к такому предложению остальные его люди.

– И другие найдутся! – добавил Сторвальд. Он не читал мыслей Хеймира, а просто думал так же. – Уже сегодня вечером!

А вечером состоялся свадебный пир Рагневальда Наковальни и Альвборг дочери Хильмира. Ярко наряженный жених светился от гордости и счастья, блестящая золотом невеста улыбалась, довольная, что никакой Стюрмир ей не грозит, а об ее отношениях с эльденландцем Рагневальд не подозревает. А быть женой такого знатного и доблестного человека даже для дочери конунга почетно! Так что все складывалось для нее наилучшим образом. Хеймир убедил ее, что она будет счастлива, и она уже чувствовала себя счастливой. И она чистыми, сияющими глазами смотрела на Сторвальда, когда пришло время для заказанной женихом песни.

Крик кукушки смолкнет жалкий,
Коль расправит крылья коршун.
Ту, что Видар* копий выбрал,
В руки враг прибрать желает!

– начал Сторвальд, и Рагневальд подбоченился, довольный грозным началом, которое обещало ему блистательную победу в конце.

Славу сыщет Тор секиры,

Смело к делу коль стремится.
Не робея, Уль* кольчуги
Ливень пива вранов начал.

Строчки лились легко, звонко – будто так и родились где-то в гуще медового кубка в руках самого Одина. Как обычной речью, говорите? А то как же!

Воин доблесть видит в битве —
Враг разгромлен громом копий.
Фрейю* колец клену брани
Конунг дал – не медлит смелый⁶

Все-таки не обошелся без «не медлит смелый», ну да ладно. Здесь никто не слышал той, более ранней песни, а нестареющие истины надо напоминать вновь и вновь. Тем более эту, которая так важна именно сейчас. Хеймир смотрит внимательно, значит, понимает.

Слово скальда слышат люди —
Славен Рагнвальд в ратном деле,
Враг коварен, ждать не время, —
Вихрем копий конунг правит.

Под гром приветственных криков Рагневальд извлек из-за пазухи золотое обручье и торжественно протянул его Сторвальду. Плата была велика, но это золото даритель считал частью жертвы, которую он приносил богам в преддверии своей славной женитьбы.

Когда Скальд шел обратно, Наследник сделал ему знак подойти и тоже подал подарок – хороший длинный нож с серебряной, выложенной золотом рукоятью. Богато. И с намеком. Хеймир сын Хильмира тоже услышал в песни Скальда все, что было предназначено для него.

⁶ Видар копий, Тор секиры, Уль кольчуги – обозначение мужчины-воина; ливень пива вранов – битва (пиво вранов – кровь); гром копий – битва; Фрейя колец – женщина; клен брани – мужчина.

Глава 3

После появления Стюрмира конунга Брендольву уже не приходилось жаловаться на скуку и бездействие. В тот же день события понеслись, как бешеные кони. Первым делом конунг страшно разругался с родней жены, поскольку для него отнюдь не составляло тайны, что кюна Далла выступала первой и едва ли не самой горячей сторонницей его сына-соперника. И, как ни старались Йорунн хозяйка и сама Далла представить ее поведение в самом выгодном свете, Стюрмир их почти не слушал. Он не был мудрецом, но достаточно хорошо знал свою молодую жену, и провести его, однажды обнаружив свою сущность, никому не удавалось.

Не желая иметь дело с Лейрингами, Стюрмир конунг в самый день приезда ушел жить к Адильсу хёльду, чья усадьба под названием Железный Пирог стояла чуть дальше от моря в глубине Острого мыса. Старый Адильс хёльд слыл большим мудрецом, потому что на пирах и тингах предпочитал отмалчиваться и никогда ни во что не вмешивался. Кюна Далла осталась у родни, дрожа от угрозы Стюрмира поменять ее на другую. Как оказалось, конунг слэттов Хильмир предложил ему в жены свою дочь Альвборг. Узнав об этом, весь Острый мыс немедленно понял, что никакого иного конунга никогда и не желал: человек, которого согласился поддерживать осторожный, расчетливый, но богатый и могущественный конунг слэттов, несомненно любим богами и судьбой.

Вильмунд конунг не появлялся. Люди кюны Даллы рассказывали, что он заболел и остался в той самой усадьбе Овсяные Ключья, хозяин которой предупреждал Брендольва о разбойниках. Но, как поговаривали на Остром мысу, у молодого конунга заболел живот от страха перед отцом. Стюрмир же держался так, будто у него вообще нет никаких сыновей. Вильмунда он назвал трусом, не стоящим того, чтобы с ними считались, маленького Бергвида оставил вместе с Даллой в усадьбе Лейрингов. И ее гибкое воображение уже складывало ужасные саги: она и ребенок брошены конунгом, а их место занято Альвборг дочерью Хильмира и ее новыми детьми.

Брендольв перебрался в усадьбу Железный Пирог вместе со Стюрмиром, тем самым избавившись от необходимости объясняться с Йорунн хозяйкой и йомфру Мальфрид. Но много думать о них было некогда. Узнав, что Брендольв собирался ехать домой, на восточное побережье, Стюрмир конунг решительно затряс белыми космами:

– Нечего тебе там делать, Брендольв сын Гудмода. О сборе тамошнего войска позаботится Даг сын Хельги. Мы расстались с ним возле Ворот Рассвета: он уже дома и передал Хельги хёвдингу все мои распоряжения. А верные люди нужны мне и здесь. Тебе найдется дело!

Дело действительно нашлось. Уже на другое утро Брендольв со своей дружиной выехал в глубь полуострова: конунг поручил ему, наряду с прочими доверенными людьми, разосланными в разные стороны, готовить войско Квиттингского Юга к скорому выступлению. Брендольв ездил по усадьбам, рассказывал о возвращении конунга, считал годных для сражения мужчин, проверял коней и оружие, которые у них имелись, подсчитывал недостающее. Он был воодушевлен и захвачен, зная, что наконец-то делает дело, которое приближает квиттов к сражениям, а значит, к победе. И каждую усадьбу он оставлял подбодренной, решительной, словно людей звали не в битву, а на праздник. Измученные и униженные беглецы с Севера воспрянули духом, южане тоже повеселели. После долгой поры тревог и неуверенности первые же добрые вести заставляли всех верить в скорое и полное окончание бед. В честь приезда конунговых посланцев устраивали пиры, и хотя угощение подавали небогатое, в бедности речей, боевых песен и головокружительных обетов никого упрекнуть было нельзя.

Захваченный всеми этими хлопотами, Брендольв иногда вспоминал Дага и жалел, что тот сейчас его не видит. Даже теперь, по прошествии нескольких дней, Брендольв краснел, вспоминая свое расставание с ним (как давно это было!). Стыдно подумать: ведь он чуть не

назвал Дага трусом, который бежит от войны, – Дага, который вскоре после этого вместе с конунгом пробивался из горящей усадьбы прямо на мечи и копыя врагов! А он, Брендольв, который так горячо размахивал мечом и оглашал воздух призывами к доблести, что с тех пор успел? Выиграл бой коней и огрел Гаутберга Свиную Голову шестом. Нечего сказать, славные подвиги! Сигурд Убийца Фафнира штаны намочит от зависти! Но уж теперь... Уж теперь Брендольв был полон решимости не оплошать и горел, рвался, не ел, не спал, загонял коней, изо всех сил стремясь объехать побольше усадеб, собрать как можно больше людей, чтобы к битве выглядеть достойно, чтобы Даг и другие люди из Хравнефьорда видели, что он тоже не сидел сложа руки.

На Острый мыс Брендольв вернулся дней через десять. Проезжая по берегу к оконечности мыса, он с замиранием сердца вглядывался в гущу кораблей во фьорде, надеясь найти знакомые – например, «Длинногривого Волка». Умом Брендольв понимал, что войску восточного берега прибыть еще не время, но все равно надеялся. Настроение его было приподнятым, любые добрые чудеса казались вероятными и даже естественными.

– Нет ли новостей от Хельги хёвдинга? – первым делом спросил он, въезжая во двор усадьбы Железный Пирог.

– Нет. И от Фрейвида Огниво тоже нет, – ответили ему несколько голосов. – Так что если он не поторопится, то его дочка расстанется с головой.

Ведро ледяной воды из фьорда не могло бы быстрее погасить бодрое горение в душе Брендольва.

– Что? – Соскочив с коня, он едва не схватил сказавшего эти слова хирдмана за накидку на груди, но опомнился и воинственно упер руки в бока. – Что ты сказал? При чем тут его дочка? Как – расстанется с головой?

– А разве ты не слышал? – Хирдман удивленно посмотрел на него. – Или в день тинга тебя тут уже не было?

– Тинга?

Похоже, Стюрмир конунг тоже много чего успел за это время. Но нетерпеливо-гордое желание Брендольва скорее рассказать ему о своих свершениях и заслужить похвалу как-то поутихло.

– Какого тинга? – снова спросил он у хирдмана.

– Конунг собирал тинг, – принялся рассказывать хирдман со всей мерой доступной ему обстоятельности. – И сказал, что другому конунгу не бывать, да и зачем он нужен, другой? А на измену Вильмунда, как видно, подбил Фрейвид Огниво. Вот Стюрмир конунг и велел ему приехать поскорее, если он верен. А если, значит, не приедет, то конунг ему обещал голову его дочки послать.

– Она здесь? – Брендольв покосился на бревенчатую стену девичьей.

– Где же ей быть? – Хирдман пожал плечами, потом ухмыльнулся. – Свою-то жену конунг Лейрингам оставил, а эту с собой взял. Лейрингам бы лучше наоборот.

Брендольв бессмысленно кивнул. Набывчившись, он смотрел на закрытую дверь хозяйского дома и медленно наливался краской от волнения, напряжения зреющей решимости. Конунг, которому он только что был предан всей душой, вдруг показался врагом – хотя бы в одном-единственном деле, потому что этого решения Брендольв никак не мог одобрить. Еще в тот первый день он услышал, как Стюрмир конунг пообещал, поскольку обручение с Вильмундом отныне ничего не значило, отдать Ингвильду в жены Аслаку Облако, если Лейринги докажут свою преданность. Брендольва еще тогда покорибли эти слова. Перед отъездом он успел раза два увидеть Ингвильду, и она, невозмутимая и прекрасная, как младшая из вещей норн, снова завладела его мыслями. Про Мальфрид он даже не вспоминал, а если и вспоминал, то мимоходом поздравляя себя с удачей: хорош бы он был, если бы по глупости связал себя с этой глазастой козой!

– Стюрмир конунг дома? – спросил он только и пошел к крыльцу. Решение созрело как всегда стремительно, и он чувствовал в себе великаны силы для его выполнения.

Стюрмир конунг сидел в гриднице. Увидев Брендольва, он дружелюбно махнул рукой, и мужчины вокруг него закричали Брендольву приветствия. Что ни говори, а приятно вступать вот так вот в гридницу самого конунга! Сразу чувствуешь, что и твой род, и ты сам – не последние на свете.

– Ты оправдал мои надежды! – говорил конунг, когда Брендольв рассказал ему о своей поездке. – Верно говорят: видно птицу по полету! Ты вошел ко мне, как верный и смелый человек, и я сразу понял, что на тебя можно положиться! Думаю, и в битве ты проявишь себя не хуже! И можешь быть уверен, что до конца жизни я буду ценить надежных людей и оказывать им все почести, каких они заслужили!

– Я рад это слышать, конунг! – ответил Брендольв. Сидя возле Стюрмира среди прославленных, опытных людей, он и себя самого ощущал старше, умнее, достойнее раза в два. – И тебе не так уж трудно наградить меня прямо сейчас. Я не требую всего сразу, но твоего слова мне будет достаточно.

– Чего же ты хочешь? – одобрительно спросил Стюрмир. Ему нравился горячий молодой задор, поскольку в битве именно это будет важно. – Все, чем я сейчас располагаю, я готов тебе дать!

– Я помню, что ты обещал Аслаку Облако завидную награду... – начал Брендольв. – Скажи-ка: разве Аслак уже отличился больше меня?

– Где ему! – презрительно бросил Стюрмир конунг. Он не вспоминал действительных заслуг Аслака (и правда, небольших), но вообще не желал признавать за одним из Лейрингов какие бы то ни было заслуги.

– Тогда я хотел бы получить то, чего добивался он! – решительно закончил Брендольв, чувствуя, что его несет волна удачи и у него все получится. – Ингвильду дочь Фрейвида!

По гриднице пробежал ропот. Судьба Ингвильды дочери Фрейвида так или иначе занимала всех, потому что была связана с переменами конунгов, со сбором войска, с фьяллями, с миром внутри Квиттинга – со всем, что касалось всех квиттов.

– Малый не промах! – буркнул кто-то. – С таким приданым можно взять хоть кривую троллиху!

– Мне не нужно ее приданое! – гордо ответил Брендольв. – Я хочу получить ее в жены. Что ты скажешь на это, конунг? – прямо спросил он.

Стюрмир двинул бровями, не сразу найдя ответ. Он не мог обещать кому-то руку Ингвильды, пока не знал, удержится ли на плечах ее голова. Слово прислать Фрейvidу в случае неповиновения голову дочери он дал перед тингом, и теперь отступить не мог бы даже более слабый духом конунг, чем Стюрмир. Но и отказать Брендольву прямо он не спешил. Раз парень отказывается от приданого – значит, влюблен по уши. Если лишить его надежды, может сгоряча натворить глупостей – Стюрмиру хватало ума, чтобы все это сообразить.

– Не дело говорить о свадьбах перед битвой! – ответил он после недолгого молчания. – Людьми правит судьба, и никто не знает, не обнимет ли его назавтра валькирия. Пока что я скажу тебе одно: если ты и дальше будешь служить мне так же верно, Ингвильда дочь Фрейвида не достанется никому, кроме тебя.

С лица Брендольва спало напряжение, он с трудом подавил явный вздох облегчения, но не смог сдержать улыбки. В душе вскипело яркое ликование, хотелось кричать от радости. Спасена! Ингвильда будет спасена, и не кем-нибудь, а им, Брендольвом! Отныне ее жизнь зависит только от его доблести! И этим самым она в полной безопасности! Сейчас Брендольв без колебаний вышел бы в одиночку против целого войска. Уж теперь она узнает, светлая богиня со звездными глазами, что за человек Брендольв сын Гудмода! Душу приятно грела мысль, что Ингвильда будет ему благодарна за спасение. Не так давно Брендольва делало счастливым

только то, что она удостоила его словом, а теперь он уверенно воображал ее своей женой – и женой любящей! Золотое колечко, подаренное ею после боя коней (ни на один палец Брендольва оно не нашлось, и он носил его на ремешке на шее), уже казалось предзнаменованием совместного будущего. О Хельге он даже не вспомнил – по сравнению с возможностью получить Ингвильду все остальное казалось ерундой.

В этот вечер Брендольв заснул мгновенно, усталый и счастливый, полный самых радужных ожиданий, как будто его не ждали впереди близкие битвы. Впрочем, разве не с битвами было связано исполнение всех его надежд? Все-таки он получит все, чего хотел, уезжая из дома: дружбу и уважение конунга, воинскую славу, богатство... да еще и такую девушку в жены, о которой и не мечтал, потому что не знал, что такие бывают. Так да здравствуют битвы, настоящая жизнь смелого сердца! Счастье с гулом и треском пылало в душе Брендольва, как исплинский костер, что, однако, не помешало ему заснуть раньше, чем голова коснулась подушки – глубоко и без сновидений.

Но судьба хитра и завистлива – бурное счастье даже в бурных душах не бывает слишком долгим.

* * *

Наутро Брендольв столкнулся в сенях с Оддбрандом Наследство.

– Послушай! – окликнул Брендольв хирдмана. – Где йомфру Ингвильда? Не передашь ли ты ей, что я хочу с ней говорить?

Оддбранд ответил не сразу, а сначала окинул Брендольва неторопливым, внимательным взглядом из-под полуопущенных век, точно оценивал, а стоит ли вообще с ним разговаривать. Можно было подумать, что Оддбранд начисто его забыл. Это показалось тем более обидным, что люди с такими цепкими глазами никогда ничего не забывают.

– Я не хотел бы беспокоить ее сейчас, – невозмутимо ответил Оддбранд после осмотра. – Госпожа плохо спала ночь. Ей снился дурной сон. Я полагаю, лучше дать ей отдохнуть.

– А я полагаю, что ей будет любопытно поговорить со мной! – настаивал Брендольв. Ему действительно очень хотелось знать, как отнесется Ингвильда к переменам в ее судьбе, и он не доверял Оддбранду. Похоже, «воспитатель» просто отгораживает ее от людей. И неизвестно, насколько это отвечает ее собственным желаниям.

– Она нелюбопытна и спокойно подождет, – так же невозмутимо ответил Оддбранд. – И не надо буравить меня глазами, Фрейр мечи. Все равно я ни с кем не собираюсь драться, пока йомфру Ингвильде не грозит прямая опасность.

Брендольв с трудом сдерживал кипевшее раздражение, стараясь не показывать неприязни к этому человеку с равнодушным лицом и острым змеиным взглядом. Ему приходилось тем более тяжело, что Оддбранд явно не знал подобных мук: похоже, чужие чувства так же мало задевали его, как мало он выказывал свои. Если вообще их имел.

– Но она хотя бы знает, что я возьму ее в жены? – пересилив досаду, спросил Брендольв. – Ей сказали?

– Ее возьмет в жены тот, кому это предназначено судьбой, – размеренно ответил Оддбранд. – И думается мне, что это будешь не ты.

– Уж не знаешь ли ты, кто это будет? – язвительно осведомился Брендольв.

Оддбранд ему не нравился, но нарываться на ссору с таким человеком было бы глупо, и он постарался сдержаться. Хирдман в ответ слегка усмехнулся, двинул бровью: дескать, может быть, и знаю, но не скажу, потому что тебе, Брендольв с востока, нет до этого ровно никакого дела.

«Хродмар сын Кари», – вспомнилось Брендольву, и таким образом он сам ответил на свой повисший в воздухе вопрос.

– А иначе ей грозит участь похуже! – напомнил он Оддбранду. – Ей грозит смерть, а что-то не видно, чтобы кто-то другой спешил ее спасти.

Оддбранд опять помолчал, внимательно рассматривая его, как будто хотел прямо через одежду и кожу увидеть что-то глубоко скрытое. Брендольв хотел идти, чувствуя, что ответов не дожидается. Но, когда он уже сделал движение к двери, хирдман вдруг сказал:

– Конечно, я благодарен тебе за добрые намерения относительно йомфру Ингвильды. Но не думай о том, как спасти ее. Подумай лучше о собственной судьбе. Это тебе больше пригодится.

И вышел, оставив Брендольва в сенях. Молодой человек был разом возмущен и растерян, но не словами, даже не взглядами Оддбранда, а каким-то неуловимым чувством, исходившим от него. Он был как сама судьба: она иногда подает голос, но никогда не отвечает на вопросы, а что услышал, то понимай, как сам знаешь. Потому-то и говорят, что знание судьбы мало кому идет на пользу.

Увидеть Ингвильду ему довелось довольно скоро. Но вышло так, что перемолвиться хоть словом с дочерью Фрейвида Брендольву не суждено было ни сейчас, ни вообще когда-либо в жизни. Незадолго до полудня с берега прибежало сразу несколько человек с важной новостью, которая мгновенно перевернула жизнь Острого мыса.

– Фрейвид Огниво! Войско западного побережья! Конунг! Скажите конунгу! – вопили голоса во дворе усадьбы и в самом доме. – Фрейвид Огниво приплыл с войском!

Бегом пробежал Оддбранд Наследство, засуетились гесты, челядь и хирдманы. Стюрмир конунг собрался идти на берег; из девичьей вывели Ингвильду, наряженную в синее платье с золотой тесьмой на подоле, украшенную множеством золотых цепей, обручий, колец. Она была спокойна, только бледна и не говорила ни слова. Брендольв, собравшийся на берег вместе с конунгом, беспокойно посматривал то на Стюрмира, то на Ингвильду, разрываясь между двумя потоками разных мыслей и чувств. Хорошо, что Фрейвид вернулся, теперь ей уж точно ничего не грозит... И что войско привел, тоже хорошо, это серьезная поддержка в борьбе с фьяллами. Но с возвращением Фрейвида обещание, которое дал Стюрмир самому Брендольву, теряет всякое значение и его ненадежные права на девушку превращаются в дым. Это его огорчало, прибытие войска – радовало, в голове царил беспорядок, а тело пробирали лихорадочная дрожь. Он не отличался особой чувствительностью, но весь воздух вокруг был так напоен тревожным напряжением, что и столбы крыльца едва ли остались равнодушны. Суровое, решительное до ожесточения лицо Стюрмира конунга, широким шагом шедшего к берегу впереди всех своих людей, говорило о том, что приезд Фрейвида не уничтожил тревоги, а только довел их до высшего предела. Сейчас все решится... «Узы расторгнуты, вырвался Волк...»⁷

Выйдя к берегу, откуда открывался широкий вид на фьорд, люди захоли, возбужденно заговорили, и в их голосах отражались самые разные помыслы и чувства. Фьорд был полон кораблей: даже у горловины пестрели паруса, а в вершине уже стоял у берега «Рогатый Волк», знаменитый большой корабль самого Фрейвида хёвдинга.

– Раз, два, три... Да брось ты, тут десятками считать надо!

– Ты, Снорре, по пальцам считай! Что, не хватает?

– Десятка два... да нет, все три... А сколько еще в море? А сколько еще подойдет?

– Ну, теперь фьяллам недолго славить своего Рыжебородого!⁸

– Я же говорил, что Фрейвид приведет войско! У этих, с западного берега, много разной дури в головах, но трусами они никогда не были!

⁷ Старшая Эдда, перевод С. Свириденко.

⁸ То есть Тора, покровителя племени фьяллей.

– Да, с таким войском Фрейвид, пожалуй, равен по силе самому конунгу! Хорошо, если он действительно верен ему! Вздумай он отстаивать своего выкормыша Вильмунда – и еще как сказать, чем все кончится.

– Чтоб молния тебе упала на язык! Фрейвид не такой дурак, чтобы ставить на слабосильного коня!

– Может, Вильмунд с ним?

– Да зачем он ему теперь нужен?

– Смотри, какой огромный дреки*! Скамей тридцать будет! Чей же он? Не Вальгаута Кукушки? Что? Донгельда Меднолобого? Хорош, хорош!

– Вон он, Фрейвид!

Фрейвид хёвдинг стоял возле золоченого штевня своего корабля. На нем был позолоченный шлем, ярко сверкавший под лучами утреннего зимнего солнца, и широкий красный плащ. Расставив ноги, уперев руки в бока, он смотрел прямо на приближающегося конунга, и в его лице не отражалось ни трепета, ни смущения. Не слишком высокий, он производил впечатление настоящего великана. Брендольв впервые увидел человека, о котором вокруг него говорили так много разного, и рассматривал его как вестника судьбы, смутно ощущая, что от поведения этого человека сейчас зависит судьба всех квиттов. Слишком много разных нитей он держал в кулаках. Его голова даже в золоченом шлеме казалась слишком маленькой для широких плеч, в рыжеватой бороде на щеках белела седина, блекло-голубые глаза смотрели властно, решительно. Он чувствовал себя равным конунгу, и даже Брендольв, не слишком склонный задумываться о силах, движущих миром и людьми, понял, что сейчас они столкнутся. Они давно шли к этому, Стюрмир и Фрейвид, не уступающие друг другу силой и гордостью. И сейчас, когда сама судьба вложила в руку каждого из них оружие, ни один не захочет ломать свою гордость. А когда сталкиваются две грозные тучи, рождается страшный удар...

Стюрмир конунг прошел еще немного и остановился в десятке шагов перед Фрейвидом. Его люди поспешно подтягивались и выстраивались полукругом у него за спиной, защищая его и защищаясь им.

Фрейвид хёвдинг мгновение помедлил, потом уверенно шагнул навстречу конунгу.

* * *

О том, что произошло дальше, за закрытыми воротами святилища Тюрсхейм, Брендольв сын Гудмода так никогда и не узнал толком.⁹ За ворота святилища, куда Стюрмир конунг позвал Фрейвида, кроме них двоих вошли только Гримкель ярл и Ингвильда. Следом за ней шагнул Оддбранд Наследство; хирдманы Стюрмира было преградили ему путь, но он сказал что-то, и его пропустили. Как видно, он знал заклинания против всех мыслимых преград.

Разговор конунга и хёвдинга продолжался долго. Дружины того и другого, жители Острого мыса, собранные войска юга и запада широкой беспокойной толпой растянулись по всему берегу, ходили между кораблями, переговаривались, тревожно поглядывая на высокие резные ворота святилища. Время тянулось нестерпимо долго; но стоило едва лишь задуматься, как толкала тревожная мысль: их нет слишком долго! Стюрмир и Фрейвид никак не придут к согласию! Брендольв прохаживался в толпе, не в силах спокойно стоять на месте; ему попала на глаза кучка Лейрингов, среди мужчин он видел знакомые лица Йорунн, кюны Даллы, Мальфрид и даже к ним готов был подойти поговорить, чтобы хоть как-то облегчить истомленную ожиданием душу. Лейпт, Арне и другие хвостом ходили за ним, обмениваясь бессвязными замечаниями, но они-то не могли сказать Брендольву ничего нового.

⁹ Подробное описание этих событий в романе «Стоячие Камни».

А дым над жертвенником медленно поднимался со двора святилища, взмывал на створками ворот и таял в небе. Он все видел, но ему были безразличны возня и болтовня смертных возле священного Волчьего Камня.

А потом ворота раскрылись, и из них решительным шагом вышел Стюрмир конунг. Один. Огромная толпа дрогнула и подалась назад, потом по ней пробежал ропот. Из-за створок показался еще один человек – Гримкель ярл. Он сжимал в кулаке что-то маленькое и нервно оглядывался назад, во двор; рядом с черной короткой бородкой его лицо казалось блее молока, рот судорожно дергался, глаза скользили по сторонам ниже уровня человеческих лиц.

Стюрмир конунг остановился в трех шагах за воротами и поднял на толпу твердый и суровый взгляд.

– Свершилось! – коротко и резко бросил он. – Боги уличили предательство Фрейвида и покарали его. Его кровь пролилась перед Волчьим Камнем, и Однорукий Ас* принял жертву.

– А его дочь? – крикнуло сразу несколько нетерпеливых голосов, и одним из них был голос Брендолва.

– Дочь... – Стюрмир прищурился, отчего на миг стал похож на Одина, но тут же оказалось, что у него просто дергается левый глаз. – Его дочь взяли тролли.

Ничего больше не добавив, Стюрмир конунг решительным шагом, не оглядываясь, направился прочь от святилища. Он знал, что только так и одержит окончательную победу – твердо и не оглядываясь. Если он оглянется, собранное Фрейвидом войско западного берега опомнится и бросится на него. Главарь найдется. Тот же Вальгаут Кукушка или Донгельд Меднолобый. Там полно гордецов, которым дерзость важнее общего дела. Но нельзя перебить всех. Тогда некому будет воевать. А страх подчинит ему этих упрямцев с западного побережья и поведет туда, куда будет нужно ему, Стюрмиру Метельному Великану, единственному конунгу Квиттинга.

Когда он скрылся из глаз, толпа сбросила оцепенение. Началась толкотня и давка, над берегом взлетели крики, причитания, брань, проклятия, вопли ужаса и отчаяния. Часть народа бросилась к святилищу и стеснилась в приоткрытых воротах, и никто не догадался открыть их во всю ширину, чтобы увидели все сразу...

Тело Фрейвида лежало лицом вниз прямо перед священным камнем, рядом растекалась огромная лужа крови. Ветерок шевелил прядь рыжих, с тонкой проседью волос. Его сторонились, с ужасом отворачивались: дыхание свежей смерти волной растекалось вокруг и, казалось, могло убить, как ядовитые испарения глубинных пещер.

Ингвильды и ее воспитателя нигде не было.

– Где она? Где Ингвильда? – кричал Брендолв, с силой берсерка пробившись сквозь толпу к Сиггейру, жрецу и предсказателю. Смотреть в глаза этому человеку было хуже, чем гадюке, но Брендолву сейчас было все равно.

– Конунг же сказал – ее взяли тролли! – со смесью досады и презрения бросил жрец, щуря свои узкие глаза неизвестного цвета. – Расступилась земля, и мерзкие чудовища унесли ее в глубину. Вместе с ее воспитателем.

– Это неправда, неправда! Этого не может быть!

– Но не думаешь же ты, что сам Тюр явился за ней и унес в Асгард*? – Сиггейр усмехнулся, и Брендолв отшатнулся прочь, не в силах стоять рядом с этим мерзким человеком.

Спрашивать было нечего. Ингвильды не было в святилище, ее вообще не было больше нигде поблизости. Как она исчезла из закрытого со всех сторон двора, да еще в самый миг смерти своего отца, Брендолв даже не пытался вообразить. Такое ему не по зубам.

– Нас предали! Конунг предал нас! Обвинял в предательстве нашего хёвдинга, а сам убил его! Подло и предательски! – горячо кричал на берегу Донгельд Меднолобый. – Отомстим ему! Отомстим за нашего хёвдинга!

Обнаженный меч в его руке, как синеватая молния, взмыл к хмурым небесам. И люди Острого мыса, слыша эти крики, лихорадочно хватались за оружие, кидались прочь от кораблей, искали своих, собирались вместе. Как взбесившиеся песчинки, люди пробивались через толпу, огромная толпа кипела встречным движением, стремительно и беспорядочно разделялась на две половины. И вот уже две темные тучи стояли друг против друга, и каждая из них напряженно ждала, не блеснет ли напротив острая сталь, не бросятся ли на них первыми те, с кем они еще сегодня утром вместе собирались идти в битву.

– Не будем сражаться под его стягом! – вопили сотни голосов возле кораблей с запада. – Не пойдем в битву за предателем! Он нам не конунг! Не такого мы ждали! Уходим! Кто не хочет быть рабом конунга – на корабли! Будем сами защищать наши дома! Среди нас нет предателей!

Возле воды закипела суета: люди западного побережья сталкивали свои еще не обсохшие корабли в воду. Дружины Острого мыса отхлынули от берега и не мешали им; кто-то побежал предупредить Стюрмира конунга. Какая-то знатная, нарядная женщина стояла на пригорке и истошно кричала, то простирая руки к морю, то потрясая кулаками:

– Опомнитесь! Квитты! Что вы делаете! Опомнитесь, да возьмут вас всех тролли! Куда вы! Вы хотите, чтобы фьялли перебили вас всех поодиночке? Каждого на пороге его дома! Донгельд! Опомнись! Вы должны быть вместе! Вместе, иначе квитты обречены! Люди! Опомнитесь! Брюньольв! Да сделайте же что-нибудь!

Голос ее ломался от плача, лицо искажалось то яростью, то отчаянием, ветер трепал концы длинного белого покрывала на ее голове, и она казалась похожей на валькирию в белом облачном убранстве. В глазах ее были битва и гибель. Брендольв не знал этой женщины, только помнил, что пару раз видел ее на пирах; сейчас ему хотелось зажать руками уши и не слышать ее голоса, ломкого и упрямого, такого отчаянного, режущего сердце как ножом. Она была права, но ее правота ничего не могла изменить.

Корабли западного побережья уходили из фьорда. Толпа на берегу не расходилась. Но Брендольв пошел прочь: достаточно он толкался, кричал, слышал то, что знал и сам и что не могло изменить общее будущее племени квиттов даже на величину сосновой иглы.

Он брел медленно, то и дело спотыкаясь, хотя глядел на дорогу прямо перед собой. Но дороги он не видел: перед его взором стояло ожесточенное лицо Стюрмира с прищуренным левым глазом, жестокое лицо Властелина, упившегося жертвенной кровью. И тело Фрейвида в большой, пронзительно-красной луже, вид которой у всего живого вызывает неосознанное, но мощное стремление: беги, спасайся! Брендольв чувствовал, что убит он сам. Влюбленность в Ингвильду, надежды завоевать ее рассеялись, и уже казалось глупым, что он когда-то имел эти надежды: зачерпнул, дурачок, луну из лужи! Но даже не это терзало его сильнее всего. Ударом, который Стюрмир нанес Фрейvidу, он убил и самого себя в глазах Брендольва. Предатель... Войско западного берега ушло и не вернется. А другого негде взять. Квиттингский Юг остается один против бесчисленных полчищ фьяллей и раудов... А этого мало!

У Брендольва было нелепое ощущение, что ему отрубили голову, а он идет себе по дороге как ни в чем не бывало, вот только не знает – куда? И зачем? Напрасно он надеялся найти голову Квиттинга в Вильмунде конунге – тот оказался слишком слаб, честолюбивый мальчишка, которому дали поиграть мечом конунга. Напрасно он думал, что головой Квиттинга станет Стюрмир – в нем много силы, но честолюбие и мстительность победили разум, затмили глаза, погубили будущее ради сегодняшнего торжества. И как сегодня он восторжествовал над Фрейвидом, так завтра над ним восторжествуют фьялли. Торбранд по прозвищу Троль, длинноносый конунг фьяллей, один обрадуется сегодняшним делам на Остром мысу. Как ни был потрясен и растерян Брендольв – это он понимал. Может быть, само потрясение и наделило его недолгой способностью видеть так ясно. На миг ему стало жутко от ощущения, что он вдруг сделался ясновидящим.

А ведь поговаривали, что Ингвильда дочь Фрейвида имела дар ясновидения. Если так, то понятно, отчего у нее был такой строгий и сдержанный вид, а во взгляде сквозила тайная печаль. Она знала, она очень многое в своей судьбе знала наперед, но изменить ничего не могла. Теперь и Брендолльв обзавелся житейской мудростью, добытой опытом: чем сильнее земля дрожит под ногами, тем сильнее каждый заботится о своем. И будь он проклят, этот опыт, награждающий подобной мудростью!

Через какое-то время Брендолльва нагнали Лейринги. Узнав его, несколько человек бросились за ним; Йорунн, Мальфрид, Аслак, еще кто-то из их братьев окружили Брендолльва, затеребили, стали что-то кричать. Он разбирал льющиеся с их губ знакомые имена, но не слушал: ничего стоящего эти люди не могли ему сказать.

– Я всегда знала, всегда! – твердила кюна Далла, стоя в стороне и ни к кому в особенности не обращаясь. – Этот Фрейвид! Он сам виноват! Вот до чего дошло!

– Теперь вся надежда только на восточный берег, – сказала Йорунн, и Брендолльв, услышав эти слова, немного опомнился.

В самом деле, еще ведь остается восточный берег. Конечно, потеря западного войска – тяжелая потеря, но с помощью Хельги хёвдинга она станет не смертельной.

– А ты еще хотел жениться на дочери этого тролля! – с упреком воскликнула Йорунн, будто укоряя Брендолльва за вред, который он собирался причинить себе самому. – Подумай – ты чуть не стал родичем этого предателя!

– Все честные люди должны крепко держаться друг за друга! – говорила кюна Далла. Она была бледна и лихорадочно соображала, хорошо ли смерть Фрейвида отразится на ее собственных делах. Скорее да, потому что ссориться еще и с Лейрингами Стюрмиру теперь не с руки. – Поэтому лучшее, что ты можешь сделать, – это жениться на нашей Мальфрид, – посоветовала она Брендолльву. – Так будет гораздо лучше для всех, и для тебя самого в первую очередь.

Брендолльв криво усмехнулся. Эта пронырливая женщина думает, что он совсем отупел и на все согласится.

– Разве не ты, Фригт ожерелий, не так давно убеждала меня поскорее жениться на дочери Хельги хёвдинга? – напомнил он, вытирая ладонью отчего-то вспотевший лоб. Теперь он остыл, и испарина стала холодной, неприятной. – Ты говорила, что конунгу нужны преданные люди, родичи Хельги хёвдинга...

– Ах, Стюрмир конунг отлично справится с любым Хельги хёвдингом и без нашей помощи! – убежденно перебила кюна, даже не дав ему договорить. – А вот прочим знатым людям надо держаться вместе. Теперь чего уж скрывать то, что я и раньше знала: нрав Стюрмира конунга тяжел и переменчив. Ты видел, что случилось с Фрейвидом. Конечно, он предатель, но ни вам, ни нам не помешает сильная родня. Случись что здесь – куда я денусь с ребенком, с законным наследником конунга?

В гневе и тревоге кюна вскинула белые руки к небесам. А Брендолльв смотрел на нее с укором и легкой обидой, точно говоря: за что, о Скади* обручий, ты считаешь меня таким дураком? Твое стремление обеспечить себе самой теплое уютное местечко подальше от врагов вполне понятно. Но только ты не видишь дальше своего носа. Вчера тебе казалось полезным и выгодным одно, сегодня – другое. А ведь сегодняшней беды можно было избежать, если бы вчера ты сумела заглянуть чуть подальше и постараться увидеть побольше, чем твоя собственная кормушка. Может, и я сам был не умнее, когда потрясал щитом во славу Вильмунда конунга и бранил Стюрмира старым негодным трусом. А пока выходило, что не всякий трус принесет столько вреда, сколько отважный дурак.

Ничего не ответив кюне Далле, Брендолльв пошел дальше, к усадьбе Железный Пирог. Потрясение проходило, осмысление случившегося становилось все полнее. Оно ложилось на душу холодной каменной тяжестью, и Брендолльв все убыстрял шаг, точно надеялся от нее убежать. Но она была вокруг, и он лишь глубже погружался в нее. Крепла губительная уверенность.

ность, что квитты обречены, и Брендольв встряхивал головой, как конь, отгоняющий мух, и сам этого не замечал. Здоровое существо противилось чувству обреченности, стремилось от него избавиться.

Как помог бы ему сейчас хоть один настоящий друг! Если бы здесь был Даг! Даг, которого Брендольв всегда считал младшим товарищем и сам наставлял, сейчас представлялся ему чем-то вроде стального клинка, который не кривится, не изменяет себе и всегда твердо знает свой путь. Но где он сейчас?

Чем ближе была усадьба Железный Пирог, тем медленнее шел Брендольв. Он боялся встретиться лицом к лицу со Стюрмиром конунгом, боялся глянуть в глаза человеку, который только что жестоко разбил надежды, им же самим вызванные и выращенные. Как взглянуть на него теперь? Ведь он сразу поймет, что в глазах Брендольва он – мертвец.

Но деваться было некуда. Меч Стюрмира висит на поясе Брендольва, и другого конунга у него нет. Как на казнь, Брендольв вошел в гридницу. Всего полмесяца назад он предстал перед этим самым человеком, готовый даже к смерти (это ему так в молодом глупом задоре казалось, что готовый). Но насколько же тяжелее ему сейчас! Вспомнив свои тогдашние чувства, Брендольв криво усмехнулся. Может быть, и впрямь легче умереть от руки конунга, чем служить ему, не веря в него.

Отдать меч? Положить к ногам и уйти? Назовут трусом. Бежишь от конунга, скажут, потому что не веришь в победу!

Брендольв вошел и остановился, не помня ни единого слова.

Но Стюрмир конунг не ждал от Брендольва никаких слов. Сейчас ему требовалось только действие.

– Ты хотел отплыть на восточный берег, – заговорил он, едва лишь увидел на пороге Брендольва. От испытания глядеть ему в глаза Брендольв был избавлен: взгляд конунга мрачно блуждал где-то мимо его лица. – Пришло время. Теперь наша победа зависит от Хельги хёвдинга. Пусть он присылает войско к Празднику Дис сюда, на Острый мыс. К этому же времени обещали дать войско слэтты. Тогда мы разобьем фьяллей. Нужен надежный человек. Отправляйся как можно скорее. Я велю дать тебе припасов на дорогу.

Брендольв молча наклонил голову, боясь голосом выдать себя. Приказ немедленно отплыть отсюда на восточный берег был единственным приказом от Стюрмира, который он выполнит без сомнений и с величайшей готовностью.

* * *

На этот раз Брендольв направлялся в Хравнефьорд открыто, не пытаясь проверять готовность его жителей к обороне, хотя именно сейчас такая проверка пришлась бы кстати. Хельги хёвдинг не терял времени даром. Приготовления к войне, которые велись с самой осени, после возвращения Дага пошли еще быстрее и теперь близились к окончанию. Примерному, конечно, потому что к такому отвратительному событию, как война, никогда нельзя быть готовым полностью.

Дага в усадьбе Тингваль встретили, конечно же, рассказами о собственных подвигах. Домочадцы взахлеб повествовали о своих сражениях с мертвецом; Хельга давилась от смеха, вспоминая, как Ауднир сторожил ее за углом отхожего места и как неуклюже уворачивался от полена в руках разъяренной Троа. Зато Даг чуть не поседел раньше времени: ему в этом зрелище не виделось ровно ничего смешного. Хельга, чистый ручеек, солнечный лучик, – к ней тянулись холодные лапы мертвеца, а он, брат и защитник, разгуливал себе за морями, сидел на пирах, любовался нарядными слэттинками, слушал стихи! В первые мгновения ему казалось, что он совершил непростительную небрежность, оставив Хельгу, и ни племена, ни конунги для него сейчас ничего не значили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.